

Николай Галеев

16+

ТОТ, КТО ЖИВЁТ

роман

Николай Галеев

Тот, кто живёт

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Галеев Н.

Тот, кто живёт / Н. Галеев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-09506-9

Советский Союз, середина восьмидесятых годов XX века. Ярослава Майорова, самая молодая сотрудница Госкомконтакта, направлена в пионерский лагерь «Буревестник» для внедрения в среду воспитанников. Руководство уверено: пионеры попали в большую беду и боятся обратиться за помощью к взрослым. Задача Славы — раскрыть страшные тайны и спасти новых друзей. Роман является прямым продолжением видеокомикса «Тот, кто живёт» (художник М. Смолев, сценарий — Н. Галеев). Кроме того, он знакомит читателей с Полундравёрсом — миром, в котором происходит действие романов Н. Галеева: «Дьявольские ритмы», «Тяжёлая музыка» и «Эксперименты Лены».

ISBN 978-5-532-09506-9

© Галеев Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	14
Глава 2	31
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1

Лейтенант долго сверялся с какой-то бумагой и удивлённо пялился на Славу, как если бы она была вся расписана под хохлому. Водитель автобуса, у которого документы были в порядке, даже заёрзал на месте и пару раз громко кашлянул, намекая офицеру, что неплохо бы закругляться с ненужными формальностями. Последний, однако, не обратил на сигналы никакого внимания и продолжал сличать вклеенную в бумагу фотографию с сидевшим перед ним «оригиналом». И хотя всё совпадало, в голове по-прежнему совершенно не клеилось, как вот эта девочка на вид лет пятнадцати могла выступать тем, о ком говорилось в бумаге в его руке.

Угловой штамп гласил: «Государственный Комитет СССР по контактам с внеземными цивилизациями. Отдел работы с особым контингентом». И далее текст выписки из приказа: «НАПРАВИТЬ мл. лейтенанта Майорову Ярославу Алексеевну в специальный пионерский лагерь “Буревестник” для ведения оперативной работы в распоряжение зам. начальника Управления по работе со спецконтингентом тов. Цурюпы В. Б.». Подпись, печать, штамп о соответствии выписки оригиналу. Вклеена фотография, на ней суровая девушка в форме. Она же — в ярко-алом удостоверении. Она же — на сидении автобуса. Только без погон и в пионерской белой рубашке с галстуком она выглядела совсем малолеткой. Да ещё эти её золотые косы до самого пояса! И форменная синяя юбка вроде тех, чья длина открывает многовато с учётом, что девочки уже вполне взрослые, но ещё должны оставаться детьми. И вот это вот — офицер Комитета? Это она, что ли, будет вести оперативную работу? Как? Играя в куклы?

– Товарищ лейтенант, что-то не так? — девушка улыбнулась так очаровательно, как только могла. И даже хлопнула ресницами для пушего эффекта.

– Всё в порядке, можете ехать, — лейтенант вернул документы.

Почти во всех прошлых циклах он произносил эту же фразу.

Слава приняла назад бумаги и ещё пару раз для порядка хлопнула ресницами, хотя внутренне ей хотелось заорать и швырнуть в мужчину чем-то тяжёлым. Или хотя бы вывихнуть ему мозги.

Последнего военный дожидаться не стал и поспешил к выходу, поторапливая сопровождавших его бойцов. Стоило двери закрыться за ними, водитель дядя Вова что-то пробурчал себе под нос: нечего, мол, было их держать столько времени на КПП.

Слава кивнула, зная, что мужчина даже не обратит внимания на её поддержку. Подавляя в себе приступ ярости, девушка несколько раз глубоко вдохнула. Уже скоро всё начнётся. Снова. А до того ей нужно сохранять самообладание.

Автобус тронулся и покатил по шоссе. Что-то знакомо заскрипело в задней подвеске. И ещё запахло опять неприятно. Зато по Славиному лицу заскользили блики от солнца, пробивавшегося сквозь листву нависавших над дорогой крон. Полдень миновал, салон постепенно разогревался, и потому Слава открыла все окна, какие смогла. Ветер слегка охладил щёки и взмокший лоб. Какое-то время Слава дышала, высунувшись в окошко и прикрыв глаза, но это быстро надоело. Захотелось общения, приятной, ни к чему не обязывающей беседы. Даже несмотря на то, что весь сценарий девушка уже знала наизусть. Она уселась поближе к водителю и просто глядела на дорогу, как бы стесняясь заговорить первой с незнакомым взрослым. Незнакомым, как же. Сколько они уже раз проделали этот путь вместе?

И всякий раз одно и то же: заметив её, дядя Вова всегда обращался к ней с незначительными вариациями:

– Эй, черныш! Тебя там не укачало случайно? А то я смотрю — окна все открыла.

Слава не удивилась непонятной шутке насчёт «черныша». Она даже показалось милой. Такой уже родной что ли. Нет — просто знакомой. Зато про окна — это новое, надо развивать.

– Да нет, просто очень душно из-за жары! — ответила девушка.

Глаза водителя в зеркальце сощурились, как если бы он разулыбался:

– А, это да. Но знаешь, по-моему, лето всё равно лучше зимы. Тепло! И льда нет. Мне, знаешь, как по льду-то? Особенно когда гружёный идёшь. А летом — нормально. А ты чего вместе со своей сменой не едешь?

– А разве таких опаздывающих никогда не бывает? — вопросом на вопрос.

– Почему же? Бывает! Особенно в начале смены. Но сейчас-то не начало!

– Так вышло... — Слава пожала плечами.

Помолчали.

Потом водитель снова заговорил:

– А ты... отличница, небось?

«А вот это — как всегда уже...»

– Ну да, люблю учиться, — отозвалась девушка заученной фразой, за которой скрывалось кое-что важное.

Спохватившись, Слава попыталась припомнить о теперешней себе максимально: закончила ли она школу экстерном благодаря феноменальной обучаемости? Отучилась ли уже первый курс в Специальном институте при Госкомконтакте, получила ли, несмотря на свои шестнадцать, внеочередное воинское звание?

Вроде всё было на месте. Последнее, впрочем, выяснилось ещё на КПП, так что мучительно проверять не пришлось. Нашлось воспоминание и о том, за что присвоили «младлея» — всё правильно: за работу по итогам первого года, которая перевернула околокомитетское научное сообщество. Выходило, что теперешняя реальность достаточно близка к первоначальной. По всем параметрам, включая отправку прямо с летних сборов на оперативную работу, в результате чего она уже в который раз проходит через этот диалог в автобусе. В тщетной попытке спасти...

Да кого это волнует? Вернее, если начать рассказывать, то взволновало бы, поди, любого, да только попробуй расскажи! Кто поверит девчонке? Видите ли, в силу возраста она в своё время единственная могла сойти за пионерку и внедриться в среду воспитанников «Буревестника». И теперь даже в глазах того лейтенанта на КПП ей больше подходило бы в резиночки прыгать, чем оперативничать.

Не объяснять же это водителю, верно? Верно! Оставалось лишь срочно поменять тему! Как и в прошлые разы.

– А вы, раз часто ездите в лагерь, может, расскажете что-то? В дороге же, наверное, столько интересного происходит! — Слава попыталась направить беседу в новое/старое русло.

Водитель был не против. Он коротко хохотнул и ответил:

– Да что там! Детишки по дороге всё песни поют да балуются, а я-то на дорогу смотрю. Если что случится — меня ж под суд. Вот и гляжу в оба, стараюсь не отвлекаться. Весь интерес — в салоне, а глаза у меня на дороге. Я так понимаю: пусть хоть на голове стоят, главное всех целыми довезти.

– Если стоять на голове, могут и шею свернуть, — заметила Слава.

– А ты осторожная.

– К чему лишний риск?

Водитель, воспользовавшись ровным участком дороги, повернул к Славе голову:

– Но ты, вообще, права. Тут из леса постоянно кто-то выбегает. То белка, то заяц. Жалко их, но рисковать пассажирами для меня дело гиблое. А один раз, представляешь, ка-ак выско-чит целый...

«ВОТ ОНИ!»

– ЛОСЬ!!! — заорала Слава во весь голос, завидев чёрную тень среди деревьев.

Мгновение – и животное уже было на пути. Водитель резко выкрутил руль, и от этого Славу кинуло сперва на сидение, оттуда на пол. Она слышала, как ругался дядя Вова, пытаясь выровнять машину, слышала визг тормозов и какой-то удар.

Потом всё закончилось: автобус остановился, и мужчина выскочил наружу как ошпаренный.

В голове Славы привычно зашумело. Потирая ушибленные места, девушка поднялась на ноги, прислушалась к собственным ощущениям: не сломано ли что-нибудь, как в один из прошлых циклов.

Нет. Уже неплохо, впрочем, расслабляться, как всегда, рановато. Мало ли, что там дальше. Вдруг кто-то решил бросить погоню за лосем!

Слава коротко глянула на сумку, потом — в окна: там, к её радости, не оказалось ничего нового. Деревья, солнце сквозь листву, прямая дорога в две полосы. И водитель, разумеется. Он был уже снаружи: осматривал что-то в области правой фары, поэтому от него виднелась только макушка в ветровом стекле.

Слава приблизилась к кабине, выглянула.

– Что там? — спросила она, но то ли звукоизоляция у салона оказалась качественной, то ли мужчина уже настолько ушёл в собственные мысли, что ему и в самое ухо было бы бесполезно кричать. Скорее даже второе, ведь и на стук он никак не отозвался.

«Пора наружу!»

Пассажирские двери ожидаемо оставались закрытыми и потому «стажёр Майорова», недолго думая, «проявила инициативу»: залезла в отделение водителя и выскочила через его дверь. Осторожно приблизилась к дяде Вова.

– Ты видела? Ты ЭТО видела? — заговорил тот, как если бы только и дожидался, кому бы это высказать. Даром что минуту назад даже никак не реагировал на стук, слова и жесты девушки, а разделяло их при этом только стекло.

– Ничего не видела, — зачем-то ляпнула Слава. По умолчанию у неё этой реплики не было. Сама сломала сценарий. Мужчина же пропустил её слова мимо ушей, снова нагнулся к разбитой фаре и принялся ощупывать вмятину, бормоча под нос: «Человека сбил! Да ещё лось этот чёртов!» Что надеялся найти? Кровь сбитой девчонки?

Словно в ответ на эту мысль Славы, мужчина нервно оглянулся:

– А где девка-то? Девка-то где, мать её так, вот этак и разэтак!

Точно вспомнив о чём-то, он кинулся к кювету и принялся там что-то высматривать. Потом крикнул через плечо:

– С той стороны глянь!

Пожав плечами для вида и вполне догадываясь, о чём шла речь, Слава отправилась в указанном направлении и сделала вид, будто окинула взглядом канаву. Ожидаемо пустую. Уж кто-кто, а Слава точно знала, что дядя Вова ничего не найдёт ни там, ни тут.

– С этой стороны дороги тоже нет! — её голос утонул в пении птиц и стрекотании цикад.

Девушка вернулась к автобусу. Водитель уже сидел у колеса. Зыркнув на Славу снизу вверх, он буркнул:

– Ну что там?

– Ничего.

– Ну да, ну да... Её куда-то на эту сторону отбросило, я ж ясно видел! Фара вон разбита, и морда погнута. Не могло такое показаться же. Да и не пью я. Месяц уже не пью.

Мужчина достал из нагрудного кармана пачку «Родопи» и закурил. Слава знала, что не пил он уже более года из-за запрета врачей. К тому же жена грозила развестись, если бы он продолжил, а дядя Вова очень любил маленькую дочку. Вот и перестал. А про «месяц уже» — это его любимая присказка.

И это была лишь малая толика того, что Пионерке Майоровой удалось выяснить за все предыдущие циклы.

– Я ничего не видела после того, как вы затормозили, — уточнила Слава. — Упала...

– А... — водитель понял. — Ну там, лось, в общем, прошмыгнул, едрить его налево. Ты уж извини, что я в выражениях... Там помимо лося этого такая чертовщина началась!

Мужчина запнулся, втягивая в себя ядовитый дым. Потом продолжил, выдыхая сизые клубы:

– Вроде как за лосем за этим девки две бежали. Да не просто бежали — а гнались за ним. Вроде как он от них удирал со всех ног, как от смерти.

Мужчина остановился и задумался, стоило ли в разговоре с юной пассажиркой упоминать светящиеся глаза? Поразмыслив, решил не вдаваться в подробности. Впрочем, говорить что-либо вслух ему и не нужно было.

– Вот одну из тех девок я и зацепил. Её вроде отбросило ударом. Но нет же тела-то. А если живая? После такого-то удара не по лесу же ей бегать? — продолжал бормотать дядя Вова, а девушка всё молчала, словно прокручивая в голове слово «Началось».

И это была чистая правда: действительно «началось».

«ТЫ ЗДЕСЬ?»

«А КАК ЖЕ!»

«СЫГРАЕМ?»

«ПОДГОТОВИЛАСЬ, А?»

«УВИДИШЬ!»

И Слава, вдохнув, быстрым точным движением ткнула указательным пальцем в переносицу дяде Вова, как делала уже много раз.

В памяти водителя остался только лось, который после удара уковывлял в лес.

Девочки, гнавшие лося, их светящиеся глазки и безудержный страх животного перед ними — всё было тут же упаковано в небольшой файл и удалено. Успокоенный мужчина очнулся, встал, и деловито захлопотал у своей машины, прикидывая стоимость ремонта. Слава же, улучив момент, сама предложила:

– Давайте я до лагеря дойду, оттуда вызовут техпомощь. Всё равно вам место ДТП покидать нельзя.

– Да-да, сходи, сделай милость, — мужчина был поглощён своими мыслями.

Мешать ему не хотелось, да и не нужно было. Заскочив в салон за сумкой, Слава поспешила по дороге. В этот раз за девчонками в лес она не побежит, ею припасена идея получше. И для этого как раз пригодится прибор, что спрятан в сумке между сменными комплектами белья. Основное — попытаться успеть в лагерь.

Тем временем лось действительно удирал так, как если бы за ним гнались не тоненькие пионерки в форменных юбочках и белых рубашках, а волки, гепарды и трёхглавый дракон с самим Мефистофелем в качестве наездника. Разумеется, если бы он мог осознать весь ужас такой комбинации. Без осознания, однако, тоже выходило жутенько. Не разбирая пути и налетая на кусты, животное принялось было петлять, да только выбилось из сил и сбило дыхание, тогда как преследовательницы напротив — даже не думали отставать. Та, которая только что пережила встречу с автобусом, уже наверстала отставание, сделав несколько стремительных прыжков между стволами деревьев. Досада от собственной неосторожности или просто ярость, или даже всё вместе — что-то придало ей сил, погнало вперёд. На бегу перехватив у подруги штыковую лопату, она издала то ли рык, то ли визг, и на её коже вместо пота выступили чёрные капельки. Светлые волосы почернели, радужки глаз засветились ярче, и Пионерка пошла в совсем уж невообразимый рывок. Несколькими скачками догнала лося и одним-единственным ударом штыковой лопаты отсекла голову. Туша споткнулась и ещё некоторое время кубарем катилась по земле, ломая ноги и забрызгивая всё вокруг красным. Стоило ей остановиться, как

охотница тут же накинулась и принялась без разбора рвать на части, жадно жевать и глотать сырое мясо и куски внутренних органов.

Вторая девушка, остановившись в стороне и опершись на удачно подвернувшийся большой камень, наблюдала за пиром, морщась от чавканья и хруста чего-то внутри туши. Говорить она пока не решалась: происходившее на её глазах вовсе не было нормой. Никто в «Буревестнике» не практиковал подобного. Изменения, явленные подругой, были не просто странными — они были страшными и...

... «СЛИШКОМ РАДИКАЛЬНЫМИ»?

Она ни разу не видела, чтобы человек так менялся. Обычными ногтями невозможно разорвать шкуру лося! Обычная девушка-подросток не может отрубить лосю голову штыковой лопатой с одного удара. Ладно, Машка не была обычной и в силу своего типа могла ещё не такое, да только зачем вот эта жестокость? Зачем этого несчастного лося поедать потом?

И, конечно...

«Не кинется ли она на меня?» — этот вопрос застрял колючим комочком в горле и даже немного остудил после погони. Дышалось часто и слишком глубоко, и вовсе не от чрезмерной нагрузки.

Во рту пересохло.захотелось сбежать, но Алёна осталась. Она была командиром отряда и не имела права отступать. Её личные страхи не отменяли ответственности за товарищей, а на случай нападения на ней были особые перчатки и сапоги с шипами, в каких Пионерки типа А тренируют скоростное перемещение по лесу. Этими штуками можно было отразить любое нападение. Наверное. Они выдерживали удары о деревья и предохраняли руки-ноги от переломов даже при падениях с очень большой высоты. Уж всяко они должны были защититься и в драке, если что!

И вообще. Даже если Машка себя странно вела, она же оставалась Машкой! Вот только бросать положение на самотёк было нельзя. Пионерка не должна вся в крови чавкать сырым мясом посреди леса — и это просто факт. Не должна — и всё. И именно ей, Алёне, на правах командира надлежало проследить, чтобы «всё» стало «как надо».

«И что это вообще такое?» — шевельнулось внутри раздражение.

Глубоко вдохнув, девушка привлекла к себе внимание:

– Ну что, Маша, наелась?

В ответ послышалось лишь тихое рычание.

Алёна вдохнула ещё раз — громко и шумно.

– Надень его. Галстук!

На этот раз в ответ послышалась вполне членораздельная ругань.

– Маша, надень галстук!!! — прошипела Алёна сквозь зубы. Злость и раздражение в ней подавляли страх, и этому способствовало всё более отчётливое понимание, что нападения не будет.

– НЕТ! — и охотница вернулась к поеданию жертвы.

Это уже было осмысленное слово. Можно сказать, твёрдая позиция.

Тот самый отрицательный результат, который «тоже результат»: Пионерка хотя бы осознанно ответила, сказав вполне человеческое слово.

Алёна приблизилась на пару шагов.

– Вспомни, кто ты!..

Ещё пара шагов.

– Ты Маша, моя подруга. Ты Пионерка в конце-то концов.

Охотница встала во весь свой небольшой рост и повернулась к Алёне, выпустив из рук кусок мяса, но зачем-то оставив его висеть в зубах.

Пустота в глазах! Алёна подумала, что такого взгляда у человека она ещё ни разу не видела. Взгляд без взгляда. Как будто этими глазами не смотрят. Как будто они даже не приспособлены, чтобы ими смотреть.

– Алёна...

Мясо с отвратительным мокрым звуком шмякнулось на землю. Алёна не обратила на него внимания. С замиранием сердца она подошла совсем близко и положила руку на Машино плечо.

– Да, это я! Узнаёшь?

Маша подняла лицо. Радужки всё ещё легонько светились.

– НЕТ! — внезапно рявкнула девушка каким-то чужим голосом и укусила протянутую к ней руку.

Зубы скрипнули по перчатке, и от ощущения сдавливания, пусть лёгкого из-за брони, в Алёне родилась какая-то бешеная волна ярости. Порыв, от которого побежали мурашки, дыхание замерло, а рука точно сама дёрнулась и отвесила Маше смачную затрещину.

– ДА ОЧНИСЬ ЖЕ ТЫ! — заорал какой-то чужой, вовсе не Алёнин голос, пока в голове заиклилось «что же я делаю?».

Почему-то страшно захотелось врезать Маше ещё разок, да хорошенько. Так, чтоб брызнуло. Укусить, впиться в лицо когтями перчаток!

В глазах встала алая пелена. Быстрее, чем могла бы осознать свои действия, Алёна ухватила Машу за грудки и оторвала от земли, подняла на вытянутые руки и встряхнула, точно куклу.

– Ты наденешь чёртов галстук, слышишь?! Ты наденешь его! Ты же не хочешь, чтобы стало как с Тоней! — орала Алёна, срывая голос и продолжая трясти. Потом этого показалось мало, и она швырнула подругу прочь, как игрушечную. Та упала, перевернулась несколько раз и скрючилась на земле.

– Галстук, твар-рь! — рявкнула Алёна и изготовилась к прыжку. К всепоглощающей злости прибавилось новое ощущение — жжение в воротниковой зоне.

В ответ Маша лишь застонала. По-человечески. Жалобно.

Алёна остановилась на полдороги. Галстук пылал. Прожигал кожу, прожаривал до костей. Снимал поволоку с глаз. Адской болью заставлял отступить ярость. И, по мере возвращения к Алёне рассудка, умерял жар, успокаивал, исцелял только что причинённый ожог.

Маша беззвучно плакала на земле. Чумазая, покрытая ссадинами, она меньше всего походила на жуткого маленького демона, что всего пару минут назад был способен догнать лося, разрубить его лопатой и сожрать. Поняв, что лежит в луже лосиной крови, она закричала, и слышалось в этом столько отчаяния и безысходности, что хватило бы на погружение средних размеров города в пучины самой чёрной хандры.

– Да что же это! — сквозь слёзы запричитала она. — Кто я? Кто мы, Алёнка? Мы люди? Человеки мы, а? Смотри, что натворила! С каждым разом всё хуже!

Рыдания сотрясали её тело, которое теперь казалось совсем детским. Маша плакала в голос — искренне и горько, то закрывая глаза ладонями, то размазывая кровь и грязь по щекам. Однако и теперь время от времени в её голос вклинивалось что-то незнакомое, и тогда она снова рычала, что не хочет возвращаться. Алёну, которая тоже лишь приходила в себя, подобные всплески настораживали, и она медлила приближаться к Маше, наблюдала с расстояния нескольких шагов. Время она давно перестала считать: с окончания погони уже миновала вечность, а в рыданиях и всплесках минуты и вовсе потянулись невыносимо. На каком-то этапе Алёне даже показалось, что Маша никогда не успокоится. Это, конечно же, не сбылось, и всё-таки.

«Это я что, паникую?» — спрашивала себя пионерка, всё ещё опасаясь подойти.

Ответить было некому, и оставалось только ждать.

В конце концов «звериные» крики перестали прорываться сквозь обычные человеческие слёзы, и Алёна заметила, как волосы подруги снова посветлели. Чёрный узор на коже девушки потихоньку рассасывался сам собой, а когда Маша подняла глаза, на радужках уже не осталось свечения. Только теперь Алёна подбежала к подруге и обняла её:

– Всё-всё! Всё уже закончилось, — молвила она неуверенно.

Маша лишь всхлипнула:

– Я превратилась, да?

Алёна крепче прижала её к себе вместо ответа.

– Что же делать? — судя по тону, Маша могла вот-вот разрыдаться снова.

– Галстук не снимай с себя. Никогда, слышишь? Катька что-нибудь придумает, она умная. Но до тех пор — никогда не снимай галстук, хорошо?

– Ага... — еле-еле пискнула Маша.

Торопливо, чтобы не упустить момент, Алёна выдернула из кармана и повязала подруге галстук. Тот самый, что подобрала с земли ещё в самом начале погони, когда Машка сбросила его, мнимо освобождаясь от ограничений.

Уж освободилась, так освободилась!

– Жжётся, — пионерка передёрнула плечами.

– Это хорошо, — Алёна погладила её по волосам, которые уже почти очистились до обычного золотистого цвета. — Когда жжётся, он тебя лечит. Не пускает всякую заразу. Держись!

Девушка горестно вздохнула и ещё раз всхлипнула.

Алёна подумала о том, что Машу нельзя водить по лагерю в таком виде.

И что «такой вид» из-за объятий уже присущ им обеим. То есть придётся как-то добежать до умывальников, и хорошо бы там была запасная чистая форма!

С такими мыслями Алёна поднялась на ноги.

– Ма-аш? Ну что? Ты идти-то сможешь?

– Попробую, — послышался жалобный ответ, — помоги встать, пожалуйста.

Алёна подала руку:

– Готова?

– Всегда готова, — вымученно пошутила девушка, и от этой фразы ей стало хуже. Голова закружилась, внутри всё перевернулось, возникло прямо-таки физическое ощущение полной несовместимости себя прежней и себя нынешней. Неуместные мысли и вопросы, сотни внутренних «нельзя» и «не хочу» заголосили — нет, что там! — взорвались в голове, словно всадив иголки в лоб и затылок. Наконец, вдоль всего позвоночника тело пронзила острая — невозможная! — боль, Маша закричала так, что спугнула окрестных птиц, и её стошнило всем, что она в себя так остервенело запихивала. Алёна только и успела подхватить подругу, когда её ноги подкосились. Предстояло провести ещё какое-то время, откашливаясь и отплёвываясь. Потом дойти — нет, не до умывальников, а сперва хотя бы до озера и смыть с себя по максимуму что только возможно. Благо — не холодно. Дальше — в мокрой одежде — добежать до лагеря к умывальникам. Там на специальной отгороженной от посторонних глаз площадке их ждали нагретая солнцем вода, мягкие махровые полотенца и душистое мыло. Всё это было приготовлено для Пионеров типа А, которые всегда возвращались с тренировок перепачканными и взмокшими. Сегодня вот пригодилось как нельзя лучше. Алёна подумала о том, что тренировка уже была рано утром, и теперь в специальном шкафчике сменной формы может не найтись. «Ничего. В крайнем случае завернёмся в полотенца и как-нибудь добежим до корпуса огородами. Все свои, поймут», — рассудила она.

А пока Алёна и Маша выполняли свой нехитрый план, Слава Майорова не спеша топала к лагерю «Буревестник» по шоссе. Водитель, как и полагалось, остался с автобусом ждать ВАИ. Обычную милицию за кордоны всё равно бы не пустили, а вот ВАИ — как раз приедет, и заодно техпомощь привезёт. Если там нужно, разумеется.

Вероятно.

Может быть, это даже будет тот симпатичный солдатик, которого удалось заприметить в один из прошлых циклов. Слава особо не размышляла о подобном — чай не в первый раз уже она попадала и в саму аварию, и на эту вот дорогу. «Теперь главное, — подумала она, — чтобы перемазанные красным девчата не выскочили из лесу ей навстречу». Такое тоже уже случалось и заводило всю ветку реальности в тупик, после чего снова отправляло на исходные позиции.

Нет, Слава не станет опять это прокручивать в голове.

От нечего делать девушка попыталась вспомнить, о чём были её мысли, когда она проделывала этот путь впервые. Тогда она тоже не торопилась и целиком сосредоточилась на будущем задании — как вписаться в чужой коллектив? Предвкушение и воодушевляло, и страшило. Беспокоило: как сойти за обычного подростка? Как вообще можно к кому-то втереться в доверие по заданию — не будет ли это подлостью: изображать пионерам друга и товарища, а самой вести «оперативную работу», по сути, против них?

А может — не «против» них, а как раз «за» них? Ведь для их блага же Комитет всё это задумал!

Теперь, по прохождении стольких вариантов событий, Славе уже следовало отказаться рассуждать подобными категориями. За них — против них. Какая разница? Всех надо было попросту спасти, и в этом свете не оставалось ни своих, ни чужих. Ни тех, кто «за», ни тех, кто «против».

Только те, кого надо спасти. Если их вообще можно спасти.

Как потом пойдёт — кто знает?

Теперь Слава думала, что бесконечные переигровки реальности всё меньше тяготят её, превращаясь в своего рода ужасную привычку. И при этом парадоксальным образом (или в силу постоянной случайной вариативности?) совершенно не выходило набраться опыта, какой можно было бы при случае применить в хоть сколько-то знакомых ситуациях. Даже известные и заученные назубок фразы в разговорах могли подействовать иначе, нежели в предыдущих циклах, что полностью обезоруживало. И временами бесило просто-таки несказанно!

Особенно с учётом Славиных индивидуальных особенностей: вообще-то у неё была ПОВЫШЕННАЯ обучаемость! Ещё до начала всей этой бесконечной лагерной смены Слава отличалась ею от сверстников, а потому школьная программа давалась девушке слишком легко по сравнению с одноклассниками. Которые, как известно, подобного не прощают. Нет, её никто даже не думал травить или бойкотировать. Просто все держали дистанцию. Просто всегда существовало разделение — она и все остальные. Те самые «свои» и «чужие», вот только в первой категории почему-то оказалась она одна. Или она была как раз во второй?

Будучи в младшей школе, Слава очень ждала вступления в ряды пионерской организации. Ей казалось, что красный галстук должен всё изменить, ведь пионер — это каждый знает — всем ребятам пример! И пионеры — это всегда товарищи друг другу! И один пионер никогда не станет обижать другого — это же в каждой книжке написано! Слава верила в это всей душой.

Надо сказать, что пионеры действительно помогли, правда не так, как она ожидала. И далеко не сразу. В седьмом классе её как-то посреди урока вызвали в ленинскую комнату. Там был Саша Жданов — вожатый школьной дружины и ещё несколько взрослых. Старший представился Вадимом Борисовичем Цурюпой и предложил ей несколько простых тестов, которые она решила за пятнадцать минут с секундами. Комиссия, по виду, была очень довольна. Тогда ей ничего не сказали, а вот через неделю в той же комнате от Саши она узнала, что обладает рядом уникальных свойств, которые называются «Изменения типа В».

Как объяснили, изменения в её организме произошли под влиянием особой материи из-за пределов известного космоса. Почему на неё? Почему именно так? Ответов не нашлось даже у крупнейших советских учёных. Что оказалось налицо — так это набор способностей,

позволявших влиять на психоэмоциональное состояние и мыслительные процессы человека. Правда, из всех у Славы работали только те возможности, что включались сами собой и как бы не требовали от неё активного участия. Тоже не редкость, имелся и специальный термин: «спящий тип В». Достопамятная повышенная обучаемость Славы относилась как раз сюда. А ещё — защита от чтения мыслей и влияния других обладателей Изменений типа В.

«Не такая, как все!» — девушка на ходу иронично улыбнулась сама себе.

Вспомнилось, как сама мысль о выявленных изменениях заставляла Славу одновременно и грустить, и радоваться. С одной стороны, она получила ответ на свой вопрос «Почему?». С другой — новый статус окончательно отделил её от «обычных» людей. Пресловутое «не как все» пугало, и непонятно было, что с этим вообще делать.

Способность открыла ей дорогу в общество других носителей изменений, и не только типа В, разумеется. Теперь она с удовольствием часами беседовала с Ашками, которые умели усиливать своё собственное тело, и это касалось не только мышц. А что до «типов Б» или просто «бэшек», то они заинтересовали Славу до фанатизма. Ей было странно, что их определяли как телекинетиков и не более. «Как если бы про автомобиль сказать, что это устройство для вращения колёс», — так она заявила на одном из собраний. Для себя она вывела логику: одни пионеры заведовали телом, другие — разумом, а третьи должны были управлять всем, что вокруг. И такая «специализация» не могла ограничиваться только лишь телекинезом! Так была заложена основа для будущих исследований, и, поскольку Комитет поощрял такие вещи, перспективы нарисовались радужные. Могли даже почти без экзаменов взять в специальный институт, а потом распределить в особенные государственные структуры, как Государственный комитет по контактам с внеземными цивилизациями. Словом, мир заиграл по-новому.

Знать бы тогда!

А если бы и знать — то что? Отказалась бы? Сбежала, спрятала голову в песок?

Ничего не видеть, ничего не слышать, сидеть в своём уголке и тихо сохнуть от одиночества?

Нет уж!

Ни за что она не прожила бы тот кусок жизни иначе. Даже точно зная, как обернётся. Сотни раз стараться спасти пионеров — сотни раз пережить провал и их потерю, но продолжать пытаться — это всё равно лучше, чем отказаться от будущего. Тем более что без неё, без Славы, главное и самое страшное неизбежно случится, да только уже без варианта переиграть. Как бы не так! Нет уж — слишком много ею, Славой, уже пройдено, слишком много душевных сил затрачено, чтобы бросать теперь. Или на любом другом этапе. А препятствия? Они были всегда, чего уж теперь. С самого первого дня. Даже обрисованная когда-то вожатым волшебная картинка будущей жизни среди других носителей изменений привела в своё время вовсе не к радости, а к головной боли. Выслушав дочь, родители тогда неправильно всё поняли и на следующий же день отправились в школу разбираться, для чего это кто-то запудрил мозги девочке-подростку. Слава вспомнила, как два часа сидела, точно на иголках, на стуле в приёмной директора, пока родители беседовали за закрытыми дверями. Потом мама и папа вышли задумчивые. Отец долго смотрел на неё сверху вниз, потом погладил по голове и сообщил: «Нас убедили. Ты будешь заниматься в кружке, но отпустить тебя в “Зеркальный” в этом году мы не сможем. На следующий год — может быть». И — не сложилось.

Препятствия — это просто этап. Преодоление лишь закаляет. Прошла непонимание родителей, и вот уже идут занятия в кружке. Подарок судьбы. Желанный приз. Три дня в неделю она общалась с равными и даже подружилась с несколькими старшими ребятами. Познакомилась с работой Госкомконтакта, особого всесоюзного органа, отвечавшего за разные странности и даже за возможные контакты с внеземным разумом. В своём кругу его называли просто «Комитетом». Именно при этом самом Комитете были устроены курсы для людей с изменениями разных типов. А называли таких просто «Пионерами». И сама пионерская орга-

низация, как теперь стало понятно, существовала отчасти для их выявления. Такая вот ирония: часть пионеров — «Пионеры». А препятствия оказались попросту НУЖНЫ.

Размышляя об этом, Слава разулыбалась.

Вспомнила: поначалу её очень забавляло, что пионеров как бы много, а Пионеров среди них считанные единицы.

Зачем такого нагородили с терминологией, спрашивается?

Может, для защиты от ненужного внимания? Оказалось-то, что всю эту фантастическую историю никто не прятал. Директор школы, завучи и даже вожатые оказались в курсе. Специальный госорган, принятый закон безо всякого грифа секретности, большой НИИ и несколько специализированных вузов — никто ничего не скрывал, и в то же время не афишировал. Ну, вот есть такое — и чего? Живите дальше спокойно.

Как дельфины: вот есть они в море и в целом ни от кого не скрываются. Но и на виду не крутятся. Люди тоже: не бегут толпами на берег смотреть дельфинов, не ждут часами появления блестящей чёрной спины с плавником среди волн. При этом если она вся спина всё же покажется, будет фурор и «Мам! Мам! Смотри — там дельфин!».

Такой подход Славе пришёлся по душе: ты вроде и на виду, и в то же время никто не пилится и не тычет пальцем. Зато само пребывание в среде Пионеров для Славы оказалось равносильно второму дыханию: эти люди даже говорили между собой иначе, нежели другие подростки. Чуть более сложные фразы, чуть более длинные слова. Плюс долька внутреннего напряжения. В их обществе нельзя было давать кому-либо спуска, надо было позиционировать себя и отстаивать своё место. И несмотря на сложности, именно в кружке Слава чувствовала родство душ с остальными ребятами. В этой благотворной среде её прогресс ускорился, и девушка стала активно осваивать школьную программу вперёд учебного плана.

А проблемы всё росли. Постепенно родители приревновали дочку — посчитали, что её отрывают от них, вербуют в Комитет, учат чему-то плохому. К тому же мама боялась отпустить её в лагерь на все три месяца. Женщина решила, что от её дочери закрывают обычную нормальную жизнь, а вдобавок готовят к непрерывной работе на правительство, может быть даже к службе в разведке. Начались длительные и не слишком приятные беседы. В ответ в девушке разыграл подростковый дух противоречия. Столь характерные для юности установки о непонимании, невозможности найти компромисс, возведение любой мелочи в абсолют — всё это Слава ощутила в полной мере, ведь никакие способности от подобного не ограждали. Один тяжёлый разговор следовал за другим, тон их всё возрастал, и, наконец, пришёл тот «прекрасный» день, когда заплаканная Слава хлопнула дверью комнаты и приняла решение.

На эмоциях?

А то как же!

Обдуманно ли?

Как ни странно, да.

Комитетский психолог лишь руками развёл после полутора часов попыток убедить помириться с родителями: Слава упрямо стояла на своём. И настояла. К сданной экстерном восьмилетке за год прибавились девятый и десятый классы. Потом — в порядке исключения — поступление в специализированный институт при Комитете. Первый курс — новые товарищи, как Пионеры, так и обычные ребята. Все до одного были старше Славы — все после окончания обычной общеобразовательной школы, а кто-то из парней — даже после армии. Рядом с ними Слава училась выглядеть и чувствовать себя взрослее, да и самоутверждаться тут никто уже не пытался: все всё всем уже доказали.

Уже во втором семестре группу с изменениями типа В отделили от потока и присвоили внеочередных старших сержантов и старшин. Как объяснили, потому что из них изначально готовили командный состав. Славе, несмотря на юный возраст, тоже дали старшину за превосходную успеваемость. А потом её курсовая работа в конце учебного года произвела

эффект водородной бомбы. На ГАКе специально устроили заседание: никто не ожидал, что первокурсница разрешит несколько сложных проблем в сфере изучения телекинетиков типа Б. Славу пригласили защитить свою работу, и послушать приехало всё руководство Комитета. Сам Вадим Борисович Цурюпа выступил с речью о важности данной работы. И хотя фактически исследование ещё было только в самом начале, новый смелый подход к тупиковым, как казалось, проблемам принёс Ярославе Майоровой огромный кредит доверия околокомитетского научного сообщества.

В будущем году ей предстояло развить и подтвердить свою теорию, сотрудничая с несколькими крупными НИИ. Так случилось, что на сборы Слава поехала уже младшим лейтенантом и перспективным специалистом в сфере изучения Изменений вообще и типа Б — в частности.

Ирония судьбы заключалась лишь в том, что для оперативной работы в «Буревестнике» Славу выбрали только по причине молодости. Надо было сойти за пятнадцатилетку и вместо учёных из НИИ Внешнего Влияния снова столкнуться с заносчивыми Пионерами-подростками и негласными законами их общества, в котором наверняка, как и раньше, нужно всегда чётко себя позиционировать и защищать свой статус без скидок на пол, возраст и личные возможности.

Как же она отвыкла от этого за последний год ещё прошлой жизни!

И как же она устала от этого теперь — по прошествии стольких кругов.

В размышлениях дорога прошла незаметно, и за какой-то час Слава достигла пункта своего назначения. На остановке перед главными воротами лагеря «Буревестник» её ждали двое. Издали было трудновато рассмотреть, но Слава изначально знала, кого встретит, как это будет и к чему приведёт: она уже различила молодую женщину в панамке, читавшую книгу в тени навеса автобусной станции, и пионерку, которая самозабвенно изображала удары руками и ногами на лужайке рядом. Как-то даже потеплело на сердце: снова видеть их живыми каждый раз было приятно, и хотелось нестись вперёд со всех ног, обнимать и целовать, как родных.

Нельзя. Они же не в курсе!

Поэтому ускорять шаг Слава не стала.

Опять же, она подустала топтать по жаре. А во-вторых, шагая относительно медленно, она сохраняла возможность как следует рассмотреть встречающих и их окружение, чтобы попытаться определить некоторые важные признаки. Подсказки или даже сигналы, что эта реальность — тупиковая.

Вёдра на месте — рядом с вожатой в панамке. Это относительно хорошо.

Славе вспомнилось, как трижды вёдер не было. Во всех трёх случаях встречающие оказались заражены, и пришлось драться с ними здесь же. По спине пробежал холодок.

Немаловажно было узнать и саму вожатую: к Славиному облегчению это была Олимпиада Сочинская собственной персоной. Значит, всё как обычно. Девять — ровно столько раз Олимпиады вообще не оказалось в лагере, и в каждом из этих случаев неприятности начинались раньше, чем можно было успеть подготовиться. Из документов по операции Слава знала, что товарищ Сочинская — специалист по работе с Пионерами старшей возрастной группы, и сама является «спящим» типом В. Её присутствие было необходимо: в силу наличия пассивной защиты только она более-менее контролировала вэшек, не позволяя им крутить собой с помощью способностей.

Следом за вожатой внимание Славы переключилось на пионерку.

«Ага, вот и неприятность», — отметила про себя девушка, опознав в ней вовсе не ту, кого ожидала.

Рыжие косички, заплетённые так туго, что торчали в разные стороны, мелкий рост, мальчуковые шорты вместо юбки, цветастые носки вместо гольфов и кеды вместо форменных туфель. В довершение всего на шее висели нелепые огромные наушники, поди, трофей из

кружка радиотехники. Причём висели они безо всякой надобности, ведь к ним даже не вёл никакой провод. Парни, скорее всего, отдали ей это «украшение», чтобы отстала. Словом, сомнений не осталось: в этой реальности встречать её Олимпиада Викторовна вышла с Ларисой Двойкиной.

Тут бы спросить: «А где же Алиса?», — но нельзя. По логике, Слава ещё никого в этом лагере не знала, а выдать себя — слишком большая роскошь. Или глупость.

Видимо, хулиганская рыжая малявка как раз отколола какую-то шалость, потому что вожатая вскочила с места и принялась её отчитывать, когда Слава приблизилась уже настолько, чтобы имело смысл крикнуть приветствие.

– Здравствуйте!

– О, гляди-ка. А вот и наше пополнение. Ярослава Майорова, отличница, спортсменка, пионерка и просто красавица, — обратилась вожатая к рыжей хулиганке, не забыв приветственный жест в адрес новоприбывшей.

– Ага, салют! — пионерка вяло вскинула руку в пионерском приветствии.

– А ты почему одна и пешком? Где автобус? — задала Олимпиада Викторовна очень понятный и очень логичный вопрос.

– А автобус вон там остался, мы в аварию попали, — Слава неопределённо махнула рукой куда-то за спину.

– Вот как чувствовала, а! — всплеснула руками вожатая. — Что-то серьёзное?

– Лось выскочил из леса, и мы его немного задели, — пояснила Слава.

– Ло-ось? — протянули «рыжие косички», но никто не обратил на это внимания. Вся в веснушках и с блестящими от любопытства глазками она была очень похожа на Пеппи Длинныйчулок с иллюстрации в книжке.

Беседа шла своим чередом:

– Водитель сказал, что нельзя покидать место ДТП.

– А животное?

– Убежало. Видимо, действительно задели только чуть-чуть. Но мы тормозили сильно, водитель сказал, проверить исправность тормозов всё равно придётся.

– Ладно, я пойду узнаю, кого там вызывать надо, и позвоню. А вы двое пока отнесите вёдра завхозу. Потом Слава — к директору с документами, а оттуда — в отряд на знакомство.

И с этими словами вожатая развернулась и быстро зашагала к воротам. Слава отметила грациозную походку и хорошую фигуру. Олимпиада Викторовна явно следила за собой и, вероятно, пользовалась успехом у мужчин.

«Ай, Слава, о чём ты думаешь?!» — одёрнула себя девушка, когда её внимание привлекла хулиганка в кедах:

– Э-эй! Ты всё слышала? Бери вёдра и вперёд шагом марш! Завхоз прямо и налево, а там спросишь. А у меня дела! — и мелкая проказница, не дождавшись возражений, унеслась, прыгая по веткам, как какой-нибудь павиан в джунглях. Или мартышка.

Вот она — родная стихия. Подобное возможно только в среде Пионеров!

Кстати, сегодня она впервые столкнулась с Ларисой вместо Алисы. Забавно, конечно, что младшая сестра сказала почти те же самые фразы, что и старшая, когда Слава прибыла в «Буревестник» впервые. Подход, однако, у девочки был другим: не вступая в конфликты, она просто умотала по своим делам, предпочитая не тратить времени на скучную старшую девочку и поручение вожатой. При этом отход от стандартного сценария гарантировал, что вариативность уже сработала и дальше придётся держать ухо востро, чтобы не уйти на очередной перезапуск. Или хотя бы оттянуть его.

Слава подошла к вёдрам. Оба целые, ровненькие, пустые. Олимпиада хотела, чтобы водитель отсыпал ей яблок.

Странная идея. За все перезапуски Слава ни разу не видела в автобусе яблок. Может, где-то в багажном отделении прятался мешок? А если не яблоки — то что?

Надо будет спросить потом.

Нахлынули воспоминания, как она впервые встретилась с Алисой. Рубашка расстёгнута и завязана под самой грудью, оголяя живот. Галстук повязан кое-как, рыжие хвосты распушены. Алиса выглядела как типичная хулиганка в кедах на босу ногу, да ещё точно так себя и вела: тут же попыталась повесить оба ведра на Славу. Что характерно, просто упрыгать Алиса не могла, но всё равно с порога начала прощупывать на предмет уязвимых мест. А тут, как и везде: пойдёшь на поводу — так и останешься на всю жизнь ведро носить. Почувствовав знакомую внутреннюю дрожь, Слава тогда поглядела вслед удалявшейся хулиганке и крикнула:

– Девочка! — и прибавила уже тише. — Ты своё ведро забыла взять.

Едко улыбнувшись, словно только этого и ждала, рыжая пионерка стала медленно приближаться, цедя слова сквозь зубы:

– Слушай, ты! Ну-ка взяла оба ведра и пошла за вожатой, быстро!

– Будешь сама вожатой — тогда и указывай.

Хулиганка придвинулась вплотную и произнесла совсем уж угрожающе:

– Да ты хоть знаешь, с кем связалась, зубрила?

Загорелые ручки скользнули к Славиному галстуку и затянули его потуже.

Слава, не задумываясь, словно на автомате, отбила обе руки одним движением.

– По-моему, это ты не знаешь, с кем связалась, — зловеще улыбнулась она.

Вести себя вот так по-ребячески для младшего лейтенанта Майоровой было очень странно и одновременно привычно. Второе — потому что именно так приходилось ставить себя среди Пионеров на курсах при Комитете. Первое — потому что она распрощалась с подобным стилем общения после поступления на первый курс Института и уже год говорила с товарищами в совсем ином ключе. Однако же поразмышлять о противоречивости чувств Славе не позволяли обстоятельства. Получив отпор, рыжая хулиганка отступила на пару шагов и притворилась понятливой:

– Ну... э... ладно, чего ты... пошутить уже нельзя, — потупилась она, и Слава отчётливо осознала, что это не конец.

– Ну и шуточки у тебя!

Алиса пожалала плечами, взяла одно ведро и пошла было к воротам, но внезапно крутанулась и попыталась безо всяких шуток со всей дури огреть им Славу.

Не тут-то было.

Тренировки спецкурсов и института не прошли даром: Слава уклонилась и тут же контратаковала правым кулаком снизу вверх.

Разумеется, мимо.

Хулиганка тоже была не лыком шита и от удара попросту отскочила.

Обе одновременно сорвали с себя галстуки: по неписаному закону Пионер не должен драться в нём. Хотя той же традицией допускалось намотать галстук на руку. На мгновение обе замерли, потом рыжая пошла вокруг слева. Кто знает, чем бы всё закончилось, не раздайся от ворот крик Олимпиады Викторovны:

– **НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ!**

Девочки застыли и покраснели, словно будучи застуканными за чем-то очень некрасивым. Вожатая приблизилась быстрым шагом:

– Ни на минуту нельзя тебя оставить, Двойкина! А ты что? Только прибыла и уже в драку ввязалась? Дурдом на выезде! Я вам что сказала сделать, а? Я вам сказала ведра отнести! А ну — БЕГОМ!

Вожатая снова отвернулась, но на этот раз уже уходить не стала.

– Я кому сказала? — снова послышался её голос.

«Ну и ну! Прямо говорящая фамилия у этой хулиганки. Двойкина! Небось, в школе из двоек и колов не вылезает. Наверное, вообще второгодница!» — подумала в тот момент Слава, затем сделала шаг и взяла то ведро, что оставалось стоять на месте. Невредимое. Второе, изуродованное ударом об землю, она оставила рыжей. Пусть, мол, сама его и берёт, раз испортила. И завхозу объясняет.

Постояли.

Двойкина так и не сдвинулась с места.

– Ведро-то возьми! — напомнила Слава.

– Сама возьми! — огрызнулась хулиганка и показала язык, что вообще уже не шло ни в какие рамки с учётом её возраста. Ну, и по сути её замечание тоже было бессмысленным, поскольку как раз Слава-то своё ведро давно взяла. Возмущению Славы не было предела:

– Я-то взяла! И ты своё бери!

– Сама бери!

– Сама!

– Сама!

– Да ну вас, бестолковые, сама отнесу! — потеряла терпение Олимпиада. Она выхватила у Славы ведро, подняла с травы второе, погнутое, и двинулась к лагерю по залитой солнцем дорожке. Девушки поглядели ей вслед.

Младший лейтенант Майорова отчётливо представила себе, как капитан Сочинская думает о ней: «Курсант, офицер, в перспективе видный учёный, а заедается со школьницей-хулиганкой! Позорище!» Стало очень стыдно. В такие моменты Слава чувствовала, словно её отлупили по попе. Происхождение этого чувства оставалось для девушки загадкой, ведь в семье Майоровых дочку никогда не шлёпали. И тем не менее отчего-то ощущение появлялось, и от него Слава была готова сгореть на месте. Прямо вот самовоспламениться и сгореть. Без остатка.

Стремясь оправдаться в собственных глазах, девушка вскинула руку и закричала:

– Подождите! Давайте я всё же помогу! — и побежала следом за вожатой.

На короткое время ей стало всё равно, сочтут ли её подлизой. Она просто приняла протянутое ведро и пошла к воротам, не обращая внимания на гневные взгляды хулиганки Двойкиной.

Олимпиада тоже, судя по всему, потеряла всякий интерес к несносной рыжей девчонке и даже ухом не повела, когда та с криком «Ну и пожалуйста!» унеслась куда-то в сторону леса.

Это некоторым образом удивило Славу — всё же вожатым, как ей казалось, не следовало так запросто относиться к воспитанникам.

– Олимпиада Викторовна...

– О! Знаешь меня?

– Читала дело.

– А, ясно.

– Разрешите обратиться...

– Отставить обращение по уставу, — вожатая поглядела на Славу с лёгкой улыбкой.

Слава мысленно хлопнула себя по лбу ладонью: «Вот, дурында! Работа под прикрытием УЖЕ НАЧАЛАСЬ!»

– Поняла... — протянула девушка, и как раз в этот момент они миновали главные ворота.

Широкая дорога, затенённая деревьями. Белоснежные статуи, изображавшие пионеров за работой и отдыхом, спрятанные в зелени белые домики жилых корпусов и желтые — хозяйственных построек. Слава даже остановилась, чтоб оглядеться. Ей было не с чем сравнивать, но именно так она представляла себе идеальный лагерь. Эталонный маленький мир Пионеров, выстроенный специально для раскрытия всех их возможностей.

«Забавно как. Пока была пионеркой, так и не съездила ни разу. Зато теперь уж наездила выше головы», — закончила Слава свой экскурс в воспоминания. Что же теперь?

А теперь пока Олимпиада звонит в ВАИ — надо отнести оба завхозу. Хорошо хоть оба теперь ровненькие и целые, а не как обычно: одно или оба погнуты. Слава поставила одно ведро в другое и, позвякивая, двинулась в сторону ворот. Сейчас она снова окажется в «Буревестнике», где ещё ничего не разрушено. Как же это отрадно!

– Здравсте! А где Двойкина? — Олимпиада открыла ворота ей навстречу.

– Убежала.

– Вот дождётся она у меня! Ладно. Я тут о чём подумала: телефон как раз у завхоза, я могу ведра сама отнести, а ты лучше к шефу давай.

– Может, проводите — всё равно по пути...

– А ты тут разве была раньше?

– Нет. Карты изучила.

– А в «Зеркальном» не была?

Слава молча помотала головой.

– Странно. В этом году набора «спящих» туда нет, а ещё в прошлом году могла бы...

– Не могла, — Слава многозначительно поглядела на вожатую, чтобы та поняла.

– А, ну да...

И они продолжили путь.

– А как же та девочка? — всё же решила спросить Слава, рассматривая на ходу статуи.

– Не бери в голову. У этой мелкой Двойкиной не то что кнопка, а целый шуруп в некоторых местах. Неуправляемая — хуже своей старшей сестры.

– Ведра — это для неё? В воспитательных целях?

– Ну да, вроде того. Успешность на грани фантастики.

Слава оценила сарказм.

– Ну и вообще — это такое дело... Водитель где-то у местных берёт мешками замечательные яблоки, не очень крупные, но сладкие, как конфетки. Мы с ним договорились, что он сегодня привезёт мешок в лагерь, а я хотела отсыпать сразу, чтобы порадовать мальков из младших отрядов. А то по наряду такую кислятину завезли — только компот варить.

За разговором дошли до перекрёсточка, и Олимпиада остановилась.

– Дальше тебе вон туда, — вожатая махнула рукой. — Большое трёхэтажное здание это и есть административный корпус. Кабинет директора на втором этаже. Поднимешься по лестнице и сразу увидишь.

– Спасибо! — и, помедлив немного, Слава зачем-то прибавила. — Вы на Лариску не сердитесь. Она просто перед сестрой пытается отстоять свою состоятельность.

Вожатая поглядела на девушку с уважением. Впервые с момента прибытия Майоровой у Олимпиады Викторовны возникло понимание, что перед ней не воспитанница, а коллега.

Помолчали.

– Ладно, давай иди, доложись, а я позвоню насчёт автобуса.

– Увидимся! — Слава зашагала в указанном направлении, довольная собой. Она знала, что Олимпиада ещё какое-то время будет глядеть ей вслед. Проявить проницательность вышло столь уместно и эффектно, что лучше и придумать нельзя. И это было приятно до жути.

Давя улыбку, Слава уже приблизилась к нужному зданию, когда её внимание привлекли три девушки, шедшие навстречу. Двоих было не узнать: все перемазанные, одна почему-то в снаряжении типа А без шлема. Другая — и вовсе в форме, но вся с ног до головы в чём-то грязно-красном. Третьей же оказалась Алиса Двойкина, которая погоняла обеих пионеровк вашей.

– Давай-давай! Шагай! Шчас директор разберётся, какое такое «ничего» вы там наделали, — сурово говорила рыжая хулиганка и толкала девчонок в сторону административного кор-

пуса, не обращая никакого внимания на Славу. Те понуро шли, тихонько что-то шипя себе под нос.

«Снова плохо», — подумала Слава, ведь она ожидала появления всего двоих, причём одна должна была топтать босиком и будучи завёрнутой с ног до головы в большое мохнатое полотенце. Слава спросила бы у них дорогу, а они бы признали в ней новенькую и сами взялись расспрашивать, кто она да откуда. Маша должна была оказаться милой весёлой говоруньей, достаточно взбалмошной, чтобы в конце беседы вдруг сорваться и убежать прочь в одних трусах, размахивая своим полотенцем, как флагом. А Алёна должна была кинуться следом.

Это если бы да кабы события развивались «как надо».

А тут поди ж ты: «как надо» сбежало в тайгу и спряталось в пустой медвежьей берлоге. Похоже, Двойкина где-то застучала обеих ашек до того, как они успели отмыться. Как это должно было выглядеть, а? Две пионерки, перемазанные землёй и кровью с ног до головы, да ещё и с лопатой, тоже липкой и грязной. Что приключилось — молчат и смотрят недобро. Ясно что Алиса тут же вмешалась, и вот пожалуйста! Теперь она с лопатой в качестве вещдока вела обеих к директору разбираться.

Кончиться такое ничем хорошим не могло.

Сейчас Они попадут на ковёр, если ничего не сделают. Стало быть, обязаны были что-то предпринять, ведь раскрывать свои секреты они не могли!

Слава внутренне ругнулась, осознавая, как её планы наработки, возможно, в очередной раз оказались бесполезными. Впрочем, ещё оставалась возможность попробовать выправить континуум в нужное русло.

Слава подняла руку и крикнула:

– Добрый день! Девочки, скажите, пожалуйста, правильно ли я иду к директору?

– О! Новенькая? Чо надо? — Алиса была в своём репертуаре.

– Новенькая — готовенькая, — ответила Слава с нажимом. — К директору иду. Мне сюда?

– Сюда-сюда.

– А эти что?

– У ЭТИХ ЕСТЬ ИМЕНА, — подала голос Алёна.

– А ну молчи! — прикрикнула Алиса. — Сейчас у директора будешь говорить.

И дальше она снова обратилась уже к Славе:

– Поймала этих около душой. Все в кровянице, представляешь! Живодёрки — зверей убивали!

– Не убивали мы никого!

– Да-да, а это не кровь на тебе, а варенье малиновое.

«Плохо дело», — отметила про себя Слава.

«Подготовилась, как же!» — шевельнулось что-то в уголке сознания, и Славе показалось, что из дальних кустов кто-то недобро ей улыбнулся.

– Кстати! Раз новенькая, давай-ка помоги мне их довести. Тип какой?

– Вэшка.

– Чудно. Сделай так, чтоб они поспокойнее были и без вранья обо всём рассказали директору.

Вот это было ошибкой.

У Маши вспыхнули глаза, и она прошипела тихо, но очень отчётливо:

– А НУ ОТВАЛИЛИ ОБЕ. НИКУДА МЫ НЕ ПОЙДЁМ И РАССКАЗЫВАТЬ НИЧЕГО НЕ БУДЕМ.

Слава сделала шаг назад, тогда как Алиса не оценила опасность и, схватив Машу за плечо, закричала:

– Видала? Давай быстрее утихомирь их!

И это стало последней каплей. Видимо, испугавшись, что Слава вот прямо сейчас раскроет все их секретки, обе ашки врубили способность и тут же напали. Не успев среагировать, Слава ощутила серию ударов, после чего её тело было подброшено высоко вверх и плоско грохнулось на асфальт дорожки метрах в десяти. Что случилось с Алисой, она уже не видела, потому что реальность вокруг померкла перед очередным перезапуском.

Глава 2

КПП, автобус, лось, авария, почти часовая прогулка по шоссе, остановка.

На этот раз встреча как надо: Алиса вместо Ларисы. Попытка ударить ведром — чуть не подрались. Это уже обычно и даже радует: значит, в этой реальности изменилось нечто иное, и можно попробовать отыграть по-своему.

Перепалка без отклонений от знакомого сценария, вёдра, Олимпиада, потом Алёна и Маша. Почему-то обе в полотенцах, зато их никто не запугал и не превратил в чудовищ раньше времени. Сам факт, что в полотенцах ОБЕ пионерки, а не только Маша, Славу, конечно же насторожил, однако лезть в их дела всё равно теперь не стоило. Горький опыт — все дела. Тем более, осталось кое-что куда серьёзнее: в этой реальности Слава снова оказалась спящей. Вэшки уже во всю пытались просканировать ей мозги и установить канал телепатической связи, а сама младший лейтенант Майорова не то что ответить, а даже отбиваться толком не могла. Это страшно нервировало.

Попрощавшись с Алёной и Машей, Слава быстро нашла нужный кабинет (ещё бы — столько раз уже тут была!), и, постучавшись для порядка, отворила дверь.

– Разрешите войти.

– Разрешаю. Майорова? Заходи, — ответил высокий худощавый мужчина из-за своего большого письменного стола. Он как раз отложил в сторону какую-то толстую стопку бумаг и приготовился к серьёзной и обстоятельной беседе.

Слава оставила сумку на стуле около двери, после чего вышла на середину кабинета, отметив, что рядом с портретом Ильича на стене висит ещё и фотография незнакомого дядьки с азиатским разрезом глаз и в очках. В остальном кабинет оставался неизменным уже несколько сотен циклов. Те же странные жёлтые занавески, шкаф в углу и непонятный хлам между этим шкафом и стеной. У окна — стол и за столом Вадим Борисович Цурюпа собственной персоной — в синем костюме и при галстуке. Начальник лагеря и по совместительству завотделом по работе с особым контингентом. Заместитель директора Госкомконтакта.

«Особый контингент» — это Пионеры.

– Присаживайся. Сразу предупреждаю: в лагере по уставу не обращаться. Почему, надеюсь, объяснять не надо?

– Спасибо. Нет, не надо, — Слава приблизилась к столу и уселась на стул, что стоял боком.

– Предварительный инструктаж прошла? С документами ознакомились?

– Там было не всё. Ни слова о сути проблемы и моей задаче.

– И что думаешь об этом?

«Так-так! — шевельнулось в голове. — Не предложил коротко объяснить».

– Думаю, что в лагере, где собралось столько Пионеров, не может всё быть гладко. Хвастаются друг перед другом или наоборот — проводят научные опыты, подростки в любом случае могут напортачить, и тогда появляется работа для меня. Так что жду постановки задачи.

Вадим Борисович слегка улыбнулся.

Славе вспомнилось, как она в один из первых циклов сдуру взяла да и рассказала Цурюпе всё как на духу. В том числе сразу раскрыла карты о том, до чего доигрались вэшки из четвёртого отряда. Ничего хорошего из этого не получилось: директор сразу вызвал Орден, те спровоцировали бойню и реальность снова ушла в перезагрузку. После ещё нескольких попыток Слава отказалась от идеи сразу раскрывать все карты кому бы то ни было и старалась более-менее придерживаться знакомого сценария, рассчитывая понять, наконец, где была допущена фатальная ошибка. В том числе уже не одну сотню раз выслушать инструктаж. Сегодня, впрочем, Славе хотелось блеснуть компетентностью. Мысль состояла в том, чтобы постараться

захватить инициативу и ведущую роль в операции, чтобы получить чуть большую свободу действий.

– Десять дней назад мы обратили внимание на значение Показателя Эхо на всей территории лагеря, — сообщил тем временем Директор, и Слава приступила к исполнению своего плана:

– «Показатель Эхо»? Я правильно понимаю, что речь об условной величине уровня воздействия телепатов на психику окружающих? — изобразила она деловую осведомлённость.

– Да, речь об этом.

– Вадим Борисович, наконец-то предложили методику вычисления? Подтвердилась гипотеза Смирнова, которую некоторые считали ненаучной?

– О, она ещё как научна. Раз канал передачи данных есть, значит, и измерить можно. Мы здесь, в «Буревестнике», используем систему датчиков, которые замеряют побочные эффекты, и на основании этих данных высчитываем «Показатель Эхо».

– Высчитываете? Я правильно понимаю, что у вас возникли подозрения в отношении вэшек, и именно в этой связи научная группа занялась расчётами — чисто для проверки?

– Верно.

– И сколько сейчас?

– На всей территории лагеря держится уровень ноль шестьдесят один.

– То есть это довольно интенсивно? — Слава продолжила изображать сверхкомпетентного знатока, так что Цурюпа лишь диву давался, глядя на курсантку, которая и офицерские погоны-то получила по большому кредиту доверия авансом.

– Это слабо сказано, — кивнул мужчина. — При значении «ноль» воздействие отсутствует, а при единице человек полностью теряет над собой контроль, лишается личности, превращается в марионетку. Так что текущий показатель — сигнал весьма тревожный. Ещё настоятельно стабилизирует показатель независимо от времени суток и точки замеров.

– Как будто кто-то специально держит его и внушает что-то всему лагерю, — и для порядка надо было срочно удивиться, поэтому Слава округлила глаза и посмотрела на начальника. — Такое вообще возможно?

– На сегодня не описано ни одного случая. Так что у тебя будет ряд вопросов, которые нужно разрешить. Кто, как и зачем это делает — вот три главных приоритета. Впрочем, подозреваю, что ответ на вопрос «КТО?» очевиден, — ручка, которую Вадим Борисович то и дело крутил пальцами, описала очередную петлю и стукнула по столешнице, после чего директор сделал голос ниже и чуточку тише, а его характерное мягкое «г» вдруг пропало:

– Тебе предстоит действовать очень деликатно и тонко. Искренне помогать им, стать им настоящим товарищем и даже другом. Именно тебе, потому что никого из взрослых они и близко не подпустят. Особо подчёркиваю, Слава: наша прямая задача и святая обязанность помогать им и защищать их. Учти это в своей работе. На секунду допустишь мысль, что играешь против них — и это будет полный провал.

Повисла небольшая пауза. Директор подумал, что его слова поразили Славу, откуда ему было знать, что она просто ждала окончания монолога, зная его наизусть:

– Пойми, они не преступники, не заговорщики. Они не собственность государства, никто не заставляет их что-либо делать насильно. Происходящее беспокоит меня только в одном смысле: я чувствую, что они попали в беду.

– Поняла. Постараюсь оправдать доверие.

– Хорошо. Тогда по организационным моментам. Поскольку ты — «спящий» тип В, я распределяю тебя в четвёртый отряд к другим вэшкам. Твоя вожатая Олимпиада Викторовна Сочинская, она должна была встречать тебя — познакомились?

– Угу.

– Ну и славно. Бумаги уже оформлены, свой корпус найдёшь?

– Найду, спасибо.

– Оружие с собой не выдали?

«Внезапный вопрос, — изумилась Слава, — помнится, раньше это была целая проблема. Неужели в этой вариации у меня не будет болеть голова?»

– Вадим Борисович, мне зачем-то выдали пистолет, и я же не могла его оставить дома! — и Слава сбегала за сумкой, откуда и извлекла маленький твёрдый футляр, внутри которого покоился импортный «Глок» с боекомплектом.

«Интересно! В прошлые разы выдавали другие модели и без футляров».

– Ничего себе! Совсем они там, в Управлении, ошалели, что ли? С кем тут воевать, с детьми?

«С демоническими голосами, например? С одержимыми?»

– У Вас нет сейфа, чтобы там его оставить?

– Есть-есть, — ответил Вадим Борисович и тотчас отпер сейф, прилаженный к его столу вместо выдвижных ящичков. Туда он и убрал кейс, после чего захлопнул дверцу и сообщил:

– Здесь есть небольшая оружейная комната в научном корпусе. Потом туда унесу. А в следующий раз, когда будешь у меня здесь, подпишешь бумаги, что сдала.

– Есть.

– Вот и ладно. Теперь иди, знакомься со всеми. Вникай. А конкретные инструкции будут позже. Пока действуй по обстановке. Олимпиада Викторовна в курсе, кто ты и зачем прибыла, остальные вожатые — нет. Все разговоры о твоей работе — только здесь, в этом кабинете, поняла?

– Поняла.

– Всё тогда, давай.

Отсутствие оружия облегчило не только сумку, но и дыхание. Всё же такие вещи, как пистолет с боекомплектом в кейсе — это слишком серьёзный риск. Тут и разоблачение, и опасность для жизни и здоровья самих пионеров — в общем, полный набор неприятностей. А ещё — сумку нигде толком не оставить. В общем, никакой пользы кроме вреда.

Опять же, если оружие будет в сейфе, это значит минус одна возможность, что кого-то из него застрелят. То есть минус одна возможность очередного перезапуска.

Славе очень нравились ветвления, когда удавалось избавиться от оружия. Даже несмотря на то, что это ещё ни разу не привело к благополучному исходу. А если нет толку, зачем тяжесть за собой таскать? Зато прогуляться по лагерю без дурацкого пистолета в сумке — это практически удовольствие. Не нужно дёргаться, что найдут, не нужно переживать за возможность бросить сумку в любой момент и побежать куда-то, если понадобится. Лучше, чтобы не понадобилось, конечно. Идеально, если получится просто пройти по тенистым дорожкам к корпусу мозговиков. Мимо стадиона, где какие-то ашки прыгают, как будто у них ракетные двигатели в ногах. Мимо площадки, где бэшки играют гирей в пионербол. Там царят смех и беззаботная радость детства. Там есть старание, усилие. Осознанная решимость быть и быстрее, и выше, и сильнее, и ярче, и умнее. Счастье честного соревнования на равных, помноженное на безусловное товарищество Пионеров внутри своего сообщества и всамделишное стремление сделать мир вокруг себя лучше.

Слава знала, что каждое лето пионеры с боем и руганью отстаивали перед родителями право отправиться именно в «Буревестник». На все три месяца. Никакие другие планы им не были интересны, ничем нельзя было соблазнить: ни Крымскими горами и Чёрным морем, ни пальмами Сочи и Абхазскими персиками, ни гейзерами Камчатки. Вершины Кавказа? Фонтаны Петродворца? Московские рубиновые звёзды? Всё это было очень желанно, и тем не менее проигрывало возможности провести три смены среди таких же Пионеров. Среди СВОИХ. Три месяца в маленьком мире, где возможности не прячешь, а наоборот — активно используешь, и тебе даже помогают развивать их. И не только специальные тренеры, а ещё

и товарищи. Купание в озере, там, фрукты, лесной воздух — это уже приятные дополнения. Главное — это Пионеры. Те, кого помнишь по прошлым сменам и с кем на всю жизнь сохраняется неразрывная связь пионерского братства.

Размышляя об этом на ходу, Слава улыбнулась чему-то своему, и непроизвольно даже сделала ручкой играющим Пионерам, хоть они пока её знать не знали.

Сразу смутилась.

Можно было ещё как-то рассчитывать, что вовлечённые в пионербол с гирей бэшки не заметят нелепого жеста, но куда там! Гиря замерла над сеткой, а все взгляды обратились к смущённо удирающей пионерке. Кто такая? Почему помахала? А может знакомая?

Слава передохнула, лишь спрятавшись за большими бетонными буквами, из которых состояло слово «БУРЕВЕСТНИК».

«О, на этот раз рядом со стадионом?»

Неловкая ситуация с бэшками сразу забылась, и главными в мыслях стали буквы: с ними вечно творился какой-то цирк. Мало того, что во многих вариациях реальности они меняли место своего нахождения, так ещё и преображались сами. То они новые, выкрашенные белой краской, располагались прямо под окнами Цурюпы, то, как теперь — около стадиона и при этом ветхие и обшарпанные. А однажды Слава их вообще не нашла. И так — постоянно. Слава даже ощущала какой-то азарт, каждый раз отмечая нововведения. Вот и теперь, усмехнувшись про себя находке, она обошла букву Б кругом, задержавшись с тыльной стороны, где облицовка отвалилась и обнажила арматуру.

– Странно, почему бы в порядок не привести? — зачем-то вслух молвила Слава.

И тут же услышала, как вдаль кто-то вопит и улюлюкает. Глянув через поле, она тут же заметила несущуюся по дорожке Машу, которая размахивала чем-то белым над головой, тогда как следом, грозя и ругаясь, неслась Алёна. Похоже, Маша утащила у неё рубашку.

«Неугомонные».

– Нравится им, что ли, голышом по лагерю бегать? — знакомый голосок послышался позади, и, обернувшись, Слава увидела Ларису, которая сидела на ветке дуба чуть в стороне.

– О! Привет! Меня Слава зовут, а тебя?

– Физкульт-привет! Лариса, но все меня называют «Шурупом».

– Это из-за шурупа в некоторых местах, да?

– Ха! — девочка легко соскочила на землю, в один прыжок оказалась рядом со Славой, и тут же вскочила на букву У, изобразив её зеркальное отражение.

– Видала, как могу!

– Здорово!

– Это потому, что я тип А. А ты какого типа?

– В — спящая, — Слава постаралась сделать голос максимально невозмутимым.

– Спящая? Так вот, почему ты нашим вэшкам не отзываешься! А я думала, что спящих в «Буревестник» не берут!

– Это почему?

– Потому что у вас свой лагерь, отдельный. Кажется, «Зеркальный». Это под Ленинградом, знаешь?

– Знаю. А ты там никогда не была? Не была спящей?

– У меня способности с пяти лет! — Лариса гордо выпятила грудь и сложила губы уточкой, что, по её мнению, должно было придать ей значительности.

– А ты мне кого-то напоминаешь. У тебя сестры нет? — задала Слава вопрос, который она обычно не поднимала при первой встрече.

– Есть — Алиска. Она тут где-то лазает.

– У неё тоже с детства?

Лариса перепрыгнула на букву Р, уселась и свесила ноги. Она уже открыла было рот, чтобы ответить, когда осеклась, косо поглядела на Славу и осведомилась:

– А ты чего такая любопытная?

– Просто спросила.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

Тут уже надо было как-то реагировать, и Слава, делая пальчиком, пожурела малявку:

– Это невежливо — так разговаривать со старшими! Разве не знаешь: Пионер — всем ребятам пример?!

Лариса спрыгнула на землю так, чтобы буква оказалась между ней и Славой. Потом шагнула вбок и, выглянув в букву Р, как в окошко, скорчила страшную рожицу:

– Всемь липятам плимел!

– Ещё и кривляешься! Фу, какая!

Лариска ожидаемо перемахнула через Р прямо к Славе.

– Ну ты что?! Обиделась? Ну, извини! Я не хотела! — произнесла она, но довольная улыбка наглядно продемонстрировала истинную степень раскаяния.

Что тут скажешь? Продолжать отчитывать эту егозу бесполезно, а хамить в ответ и вовсе не выход. Оставалось лишь придерживаться готового сценария и сказать, наконец, одну из фраз, что уже набили оскомину:

– То-то же! А то взяла моду незнакомым грубить!

Лариса поковыряла носком дорожку:

– Я больше не буду, честно. Хочешь, провожу к твоему корпусу?

«Не убегает? Новый нестандартный диалог?»

– А тебе совсем делать нечего? У вас разве тренировки нет?

– Есть, но я не пойду. Скучно там.

Слава округлила глаза.

– Типа, ты всё уже сама знаешь, так?

Девочка выпятила губу:

– Вообще-то! Я! Умею даже больше тренеров!

– Охотно верю! — Слава не то чтобы верила — она точно знала: Лариса действительно может и умеет куда больше тренеров Комитета. Как и её сестра, впрочем.

– Ладно, идём тогда. Покажешь, где у вас корпус мозговиков.

Услышав знакомое словечко, Лариска разулыбалась. Только вчера она лично нарисовала мелом человечка со светящимся видимым мозгом на двери того самого корпуса. И приписала для верности: «Мозговики».

– Только иди пешком по-нормальному, — предостерегла Слава, — если хочешь поговорить, конечно.

– Ладно!..

И они двинулись дальше по дорожке в сторону жилых корпусов.

– А ты хорошая, — заявила вдруг Лариса после короткого молчания.

– И из чего ж это ты сделала такой вывод?

– А с того, что не ругаешься всё время, как сестра, и даже обижаться не стала.

Слава пожала плечами:

– А вы с сестрой часто ссоритесь?

– Да мы не то чтобы ссоримся, просто я б хотела, чтоб она потерялась куда-нибудь или исчезла.

– Ну-ну! Нельзя так говорить. Она же сестра твоя, вы самые близкие люди. Если не считать родителей. Вот у меня нет братьев и сестёр, так мне очень грустно жить на свете совсем одной.

– А ты сирота, что ли?

– В смысле, одной У РОДИТЕЛЕЙ.

– А... А мне вот грустно, что у меня сестра такая. Вечно надутая. Строит из себя!

– Только что поцапались так? Не надо сердиться, лучше поговорить и выяснить, в чём проблема. Может, ты тоже в чём-то не права или просто не поняла её, — Слава вдруг почувствовала себя воспитательницей в детсаду. Странное ощущение.

– Между прочим, она тебя сегодня чуть ведром не прибила, — подковырнула её Лариса. — Так что не надо эту Алиску защищать тут.

– А я и не защищаю. Но и не злюсь, понимаешь?

– Неа.

– Ну, видишь ли, иногда мы все делаем такие вещи, о которых сами же потом жалеем. Алисе уже стыдно, что она напала на меня, она сама не знает, почему так поступила.

– Я знаю, почему. Потому что она противная вредина, и чтоб ей пусто было!

– Зря ты так.

Помолчали. Слава размышляла о том, что Лариске в этой реальности было очень нужно выговориться, и она поделилась с первым же человеком, кто проявил к ней симпатию и смог выслушать. Лариска тем временем прикидывала, о чём ещё можно поведать незнакомке, а что лучше придержать. И пока они обе размышляли, путь подошёл к концу.

– Тебе вон туда. А я побегу всё же на тренировку.

– Забежишь потом?

– Ты правда меня приглашаешь, что ли? Тогда прибегу. Обязательно! Ну пока. Ты хорошая.

И рыжая егоза взлетела на ближайшую берёзу, а оттуда перемахнула на дуб подальше, снова прыгнула и скрылась в листве.

«Здесь очень нежная Лариса, — подумала Слава. — Странно, что при этом у неё так и нет постоянной компании. И у неё какие-то неприятности с Алиской. Похоже, этой милой версии Ларисы не по душе характер сестры, и с общим языком настоящая проблема. Интересно, как это отклонение скажется на реальности?»

Для порядка Слава огляделась, отметив отсутствие отклонений в окружении. Те же осины кругом, берёза, на которую только что взлетала Лариса. Корпус — деревянное строение с остеклённой верандой, на которую открываются двери палат, в стороне — вход в комнату вожатых. Много зелёной и салатовой краски снаружи, внутри, как видно через окна, всё почему-то фиолетовое. Какую краску привезли — такой и покрасили. А привезли такую, какая была на складе. А на складе была та, что не разобрали на другие нужды, то есть то, что даром никому не сдалось. По остаточному принципу.

На двери, разумеется — художество младшей Двойкиной.

Вот сейчас откроется дверь и покажется Серёга Ивокуров с гитарой за спиной в компании любительниц Высоцкого, чьи песни он так мастерски исполняет.

Сама не зная чему, Слава по-дурацки улыбнулась, да так и осталась ждать перед дверью. Как-то слишком надолго.

«Ясно. Очередное отклонение от сценария. Значит, можно начинать беспокоиться уже по-крупному. Впрочем, пока в перезагрузку не ушли, и на том спасибо. Значит — никто не умер».

Улыбочка сползла с губ, но настроение портиться всё не желало. В конце концов, этот вариант реальности вовсе не был таким уж плохим. Да, Алиса всё ещё попыталась драться, а Маша всё ещё бегала по лагерю в одних трусах, что в её возрасте уже не годится, зато с Цюрипой удалось поговорить очень хорошо, а ещё здешняя Лариса очень даже понравилась. Очень не хотелось снова вылететь в перезапуск, ведь в одну и ту же реальность она ещё ни разу не возвращалась. Всякий раз что-то да шло по-другому, и это исключало как возможность анализа, так и средства к исправлению собственных ошибок, не говоря уже об окружающих. Как

следствие, в любой реальности что-то срывалось, кто-то погибал и Слава снова оказывалась в автобусе. Со всем опытом и воспоминаниями, но всякий раз в теле здешней версии самой себя. Куда при этом девалась сама здешняя версия, оставалось загадкой, но с учётом наличия памяти о прожитых годах, Слава подозревала, что никого не замещала, а лишь становилась частью очередного собственного клона.

«Для перемещений достаточно идентичности данных», — прошипел в голове Голос, отвлекая от размышлений и рефлексии.

«Отстань!» — мысленно отмахнулась девушка и потянула на себя дверь.

На веранде оказалось тихо, только из ленинской комнаты доносился девчачий голос, что-то монотонно читавший остальным. Слава отметила, что раньше этого голоса не слышала, но это вполне могло объясняться закрытой дверью.

Постояла — послушала.

Какая-то девушка делала доклад о негативном взломе нижнего уровня сознания, его влиянии на общее состояние психики, подкрепляя замечаниями о собственном опыте нахождения под частичным высокоуровневым контролем. Из этого Слава сделала вывод, что докладчик не являлся вэшкой.

Приблизившись к двери и сумев различить слова, Слава отметила, что озвучиваются слишком продвинутое знание о возможностях изменений типа В и что такого рода выкладки весьма опасны, учитывая уровень владения способностями здешних ребят. Хотелось бы понять, как тренер позволяет такое.

— Кстати, Слава Майорова, входи, пожалуйста, мы все тебя давно ждём, — неожиданно произнесла вслух уже совсем другая девушка, причём со вполне знакомым голосом.

«Поле информационного контроля», — догадалась Слава и, наконец, отворила дверь ленинской комнаты.

Вошла — и вскрикнула, точно привидение увидела. И было от чего, ведь помимо отряда за партами и Кати Комиссаровой с указкой у доски...

...прямо у двери Слава столкнулась нос к носу...

...с девочкой, которую раньше видела только висящей в бункере в столбе застывшей чёрной жижи. Ошибки быть не могло!

— Тоня?

От неожиданности Слава даже позабыла об осторожности.

Тишина стала такой густой, что при желании из неё можно было бы сварить кисель.

— Тоня! Ничего себе! Первый раз вижу тебя здоровой. Что ты здесь делаешь?

— Э-э? Не поняла...

Кровь прилила у Славы к щекам — она только что выдала себя и сама же это поняла. В голове закрутились колёсики в режиме «Соображай быстрее!!!». Первое: Алёна и Маша были в полотенцах, значит, за кем-то по лесу они всё же гонялись. При этом — второе — Тоня не висит в бункере, то есть эксперимент прошёл без прорыва в пространство демонов. Откуда тогда Голос?

— Слава? — Катя нахмурилась, возможно, видя какие-то процессы в её сознании, пусть и не проникая в их суть. — Что-то не так?

Да, с формальной точки зрения, они встретились минуту назад. Тем не менее, все были вэшки, и это накладывало отпечаток. Имя они откуда-то узнали, его и Олимпиада могла сказать, а вот все действия Славы уже на территории эти Пионеры отслеживали сами через свою сеть, поэтому немудрено, что заочно с новенькой уже все познакомились. И с незначительными оговорками считали своей.

— Минуту, — Слава поставила сумку на парту и села.

Все тут же повскакивали с мест и сгрудились вокруг, толкаясь. Ещё бы: новенькая только в дверь вошла, а уже началось что-то интересное! В предвкушении Пионеры замерли.

Помолчали. Слава лихорадочно соображала.

Тоня нервничала.

– Откуда ты меня знаешь? — спросила она, наконец.

– погоди, ей надо собраться, — поняла Катя. — Чую, сейчас будет что-то серьёзное в лучшем виде.

– Чутьё тебя не подводит, — Слава, наконец, решилась. Кто-то навязал ей правила, не дав возможности хоть что-то отыграть, и всё-таки хотя бы в этих рамках следовало постараться.

Ах, как же хотелось не напортачить!

– В общем так, — и офицер Госкомконтакта немедленно запротестовал где-то в глубине сознания, за что и был тут же задвинут ещё глубже, — сейчас я вам расскажу совершенно невероятную историю и даже позволю проверить, правду ли я говорю.

И с этими словами Слава Майорова обвела всех присутствующих глазами, остановившись в конце на Кате.

– Ты спящая, поэтому доступ нам дать не сможешь, — подметила та.

– Чёрт. И то правда, — новенькая сокрушённо покачала головой. — Как же я отвыкла быть спящей.

– То есть как это? — не поняла Катя, и примерно то же самое вырвалось у всех столпившихся Пионеров.

– По порядку, хорошо? В общем, всё началось с того, как... — и Слава в красках пересказала всё. Начала с того, как её сняли со сборов и отправили в «Буревестник», чтобы выяснить, что за воздействие оказывают вэшки на весь лагерь. Тогда ей удалось выяснить, что пионеры под предводительством Кати прятали на заброшенной военной базе Тоню, которая застыла в состоянии, похожем на кому, и при этом висела в воздухе. Как оказалось, пионеры проводили эксперимент по открытию пространственного канала для быстрого перемещения, но попали в некий тёмный мир, откуда в лес и проникла какая-то злая сущность. Тогда-то Слава и узнала впервые о Том, кто живёт в лесу. Закончилась история трагически — существо взяло под контроль практически всех Пионеров, превратило их в чудовищ, а Слава оказалась сама заперта между мирами вместе с пришельцем. Тут-то реальность и перезапустилась для неё впервые, и дальше пошло по накатанной: гибель любого из Пионеров «Буревестника» мгновенно перезапускала реальность, а личность Славы оказывалась в новом теле и сливалась с её местной версией. Поэтому иногда она оказывалась спящей, какой была и в условно-первый раз, но чаще получала полноценную способность и даже кое-какие навыки владения. К сожалению, это ни разу не помогло, и всякий раз кто-то снова погибал.

Закончив рассказ, Слава умолкла, и от наступившей тишины даже стало страшновато.

– Так которая уже эта перезагрузка? — уточнила Тоня, словно она уже безоговорочно приняла всё без исключений.

– Я сбилась со счёта, но могу попробовать, — пожала плечами Слава, — Чисто в теории я помню все перезапуски. Это как-то связано с самой аномалией, в которую я попала: когда сливаюсь со своей новой личностью, память дополняется, а не переписывается. Каждая перезагрузка воспринимается мной, как вами — вчерашние события. И причём вчерашние, а не позавчерашние или, скажем, годичной давности. Я даже приноровилась использовать что-то вроде архивов для более структурированного хранения, потому что у меня таких «вчера» слишком много.

– Научишь? — серьёзно спросила Катя.

– Угу, — кивнула Слава, после чего на секунду запнулась и выдала с таким видом, будто удивилась сама:

– Восемьсот девятнадцать?

– Ничего себе.

– Тот, кто живёт, прошёл уже более восьми миллионов перезапусков.

– Ты с ним разговариваешь?

– Стараюсь особо не общаться. Но иногда он особо активизируется и начинает вредить. Сам подстраивает сбросы. Если кто хочет пожалеть, не вздумайте. Он злой и с удовольствием убил бы нас всех. С особой жестокостью.

Снова повисла пауза. Слава задумалась, что кое-кого из присутствующих Голос действительно уже убивал, а некоторых и по несколько раз.

Катя в это время, казалось, что-то активно просчитывала.

– А ты точно не возвращаешься каждый раз назад во времени? Ну, как кино запускают сначала. Как у Кира Булычёва.

– У Булычёва будущее не корректировалось из-за изменений, которые вносили в прошлое. А я события вижу каждый раз разные, и даже я сама немного отличаюсь от себя из другой реальности.

– Тогда — как у Бредбери. Или у Уэллса.

– Говорю же — нет. Я каждый раз оказываюсь в полностью новом пространственно-временном континууме.

– А со старыми что же тогда?

– Не представляю даже. Может, продолжают жить. Или их съедает Тот, кто живёт. В конце концов, он же всегда побеждает, поэтому там в каждом случае конец света, наверное.

Пауза. Насчёт нескольких миллионов побед явного зла — к этому Пионеры готовы не были. В их понимании побеждать могли только ДОБРО и ПРАВДА.

– А с нами то же самое будет? — спросил зеленоглазый Пионер в матросском гюйсе. Саша Сыроежкин. Славный паренёк.

– Постараемся не допустить. Я каждый раз стараюсь.

– Так, ребяташки, давайте-ка все рассядемся по местам. Я понимаю, что всем нужно обдумать и пережить это, — Катя чуть повысила голос, чтобы он звучал потвёрже. По её интонациям Слава прочла, что ей самой плоховато удаётся контролировать эмоции.

Как только все, включая Тоню, расселись и умолкли, Катя обратилась к новенькой.

– Слава, большое спасибо, что рассказала, и... в общем... мы понимаем, что тебе это было трудно. Я думаю, могу говорить сейчас от всех присутствующих, что мы тебе верим, и это означает, что наше дело плохо.

Катя перевела дыхание. Откуда-то Слава знала, что в горле у Комиссаровой стоит комок.

– По тому, что Тоня сейчас здесь, думаю, понятно, что у нас не случилось части тех событий, о которых ты рассказала.

– Я так этому удивилась, что выдала себя, поэтому и решила вам всё рассказать.

– Может, эта злая сущность в нашу реальность не попала?

Слава скривила губы:

– К сожалению, так это не работает. Я его здесь уже слышала.

Катя слегка помялась, потом заговорила:

– Понимаешь, мы пытались сделать такой эксперимент, как ты описала. Но у нас самый сильный бэшка и командир пятого отряда — это Серёга Ивокуров.

Здесь Тоня покраснела и тихонечко подсказала:

– А я что-то вообще не очень и даже целыми днями сижу у вэшек, потому что в пятом от меня толку нет.

– Ну-ну, подружка! — поддержала её Катя. — Зато у тебя голова золотая! Смотри, как ты нам помогла с теорией! Где б мы были без тебя?

Тоня пожала плечами, а Слава нетерпеливо поёрзала на месте.

– А, ну да, — опомнилась Катя. — Так вот, об эксперименте. Короче, у нас всё получилось, и Серёга таки открыл небольшой тоннель.

Слава разинула рот. В её мире пространственные тоннели оставались непроверенной теорией.

– Да вы что! И как?

– Как видишь, ничего страшного из-за этого не случилось, чудищами мы не стали, монстры по лесам не бегают. Мы просто закончили эксперимент и пошли обедать.

– Прямо открылся тоннель?

– Угу. По нему Алёна и Маша пробежались даже туда и назад. В лучшем виде!

– Умереть и не жить! — У Славы не было слов от восторга. — А...

– ...А если ты хочешь спросить про Комитет, то да, тут тоже всё иначе. Мы проводили этот опыт не в бункере, и вообще мы на ту базу не ходим. Там сейчас стройка: готовят новый научный объект от комитетского НИИ. Пространственное направление активно развивают, мы своё мероприятие согласовали с Цурюпой, с его подачи нам помогали учёные из здешней научной группы. Представляешь, они притащили тонны оборудования, всё документировали, снимали тремя кинокамерами! Организовали прямо на стадионе и днём, весь лагерь собрался на трибунах. Ну и прошло всё как по маслу: научный прорыв, готовятся публикации в серьёзных журналах, а до того соблюдаем режим секретности. И, в общем...

Катя снова помялась, как будто подбирала слова:

– Понимаешь, мы ведь ждали именно тебя, нам Олимпиада сказала, что ты приедешь. Поэтому когда ты подошла к двери, к тебе и обратились. Узнать имя новенького при простом отслеживании мы не смогли бы. А тут всё просто: мы заранее знали, кто ты.

– А почему она сказала вам моё имя? — в душе у Славы уже заскреблись подозрения.

– Всё дело в методичке, по которой готовился эксперимент. Смотри, вот она:

Сашина близняшка — Даша Сыроежкина — протянула Славе небольшую брошюру.

«Открытие пространственных переходов», — прочитала Слава и чуть не упала в обморок от имени автора: Майорова Я. А.

«Чего?!»

Слава забывая дышать открыла обложку. Введение от её научного руководителя, а дальше — текст её курсовой с дополнительными графиками и расчётами. В этом мире её работе дали ход куда больше, чем в родной реальности. Здесь отнеслись серьёзнее и сразу развили бурную деятельность. Хотелось бы, правда, понять, зачем к экспериментам привлекли школьников. Не лучше ли такие серьёзные вещи проводить с опытными взрослыми Пионерами из специальных подразделений Комитета? Или...

Или эксперименты со взрослыми уже давно проведены, а эти пионеры просто пытались повторить? Слава порывисто заглянула на титульный лист. ПРОШЛЫЙ ГОД.

– И когда вы это получили?

– Весной, а издали в декабре.

– Получается, я это написала... — Слава попыталась вспомнить хронологию своей здешней жизни и не смогла. Что-то очень сильно не сходилось. Не было памяти о более раннем окончании школы. Не отпечаталось написание самой работы вне основного учебного плана! Откуда дополнительные расчёты — это данные уже проведённых и задокументированных опытов? И если Катя и остальные знали её заочно по этой вот книжке — как её рассчитывали внедрить ПОД ПРИКРЫТИЕМ? Зачем тогда конспирация? Почему Цурюпа инструктировал её как обычно? Ни одного ответа: история Славы в памяти оставалась как будто той же, что и в большинстве случаев с незначительными вариациями!

НЕ СХОДИЛОСЬ!

Неправильная реальность — битая! События не вытекали одни из других? Нарушены причинно-следственные связи: Тот, кто живёт, не застрял в неправильном тоннеле, но при этом присутствовал в этом мире и, по-видимому, всё ещё оставался связанным? Может ли подобное оказаться ОСОБЕННОСТЬЮ данной реальности?

– Э-эй! Ты что задумалась, — Катя привлекла Славино внимание щелчком пальцев.

– Так вы знали, что я курсант спец-института? — осторожно спросила Слава.

– Знали, — выдохнули, казалось, все присутствовавшие. Теперь уже Славе показалось, что все старались помалкивать именно из-за неё. Вроде как присутствие авторитета давило. «Какого авторитета, люди, вы чего? Впрочем, это ведь тоже кое-что объясняет...»

– Поэтому вы и приняли так легко факт, что это Комитет направил меня к вам.

– Да мы за это Комитету очень даже благодарны. Мы ПРОСИЛИ об этом! Сама Ярослава Майорова в нашем отряде — это же просто с ума сойти. В лучшем виде! — Катя показала большой палец. — Мы тут готовились, девчонки для тебя каравай даже хотели испечь, хотели встретить с помпой! Правда, Олимпиада сказала, что лучше, если все займутся своими делами и не будут акцентировать внимание.

«Это точно!»

– Олимпиада права, кстати, — кивнула Слава, — я не люблю внимания к себе. И если бы меня встречали с караваем, сгорела бы от смущения. Так что всё хорошо. Ну и ещё подноготную вы теперь знаете.

Помолчали. Катя что-то напряжённо обдумывала.

– Да уж, — протянула она наконец, — в свете твоего рассказа придётся изменить нашу программу. Для начала выясним, что там касается Того, кто живёт. Если в нашем мире он всё-таки есть, то надо его для начала найти.

– Подожди, — Слава встала с места. — Может, если мы не будем нарываться, ничего плохого и не случится, понимаешь? Если никто не погибнет, то и сброса не будет.

– И ты тогда останешься в этой реальности?

– Думаю, да, но это не точно, — Слава пожала плечами.

– Ясно. Тогда что, как пойдёт — так пойдёт, просто ждать? А если прямо сейчас уже началась не касающаяся нас цепочка событий, которая приведёт к очередному... коллапсу? Если мир уйдёт в перезагрузку — будет ли это только для тебя? Что будет с нами? Мы либо останемся здесь переживать катаклизм или даже конец света, либо вообще наша реальность перестанет существовать. Понимаешь, нам в любом случае будет плохо. Мы обязаны что-то делать, а не просто ждать.

«Вот этого я и боялась».

– Вот поэтому я стараюсь не рассказывать вам... Вы сейчас напортачите и сами приблизите... перезапуск. А перезапуск — это всегда значит, что кто-то умер.

Среди вэшек пробежал шёпоток. Слава практически ощущала спиной напряжение в инфополе. Кстати!

– Катя. Для чего вы развернули поле информационного контроля?

– Какое поле? Мы не разворачивали.

Славе даже показалось, что в ленинской комнате стало темнее.

– То есть как не разворачивали? Научная группа регистрирует инфополе на всей территории с сильным воздействием на психику. Руководство обеспокоено, и все думают, что дело в Пионерах типа В.

– Они научились замерять воздействие?

– Не напрямую, по косвенным факторам.

Все снова умолкли, и даже стало слышно, как в стекло бьётся муха.

– Та-ак... — Катя уселась на ближайший свободный стул. — Допустим, кто-то развернул сеть, а мы не в курсе. Значит, с нашими каналами эта сеть не пересекается. Даша, Саша — помогите!

Слава, Тоня и остальные отступили от Кати, освободив небольшой кружок. Близнецы Сыроежкины присели на корточки перед Катей, взяли её за руки. В ожидании результатов замерла даже муха на окне.

– Так... — Катя и близнецы разомкнули веки и выпрямились. — Ничего.

Слава принялась тереть подбородок и подняла глаза к потолку, словно там мог обнаружиться ответ:

– Вы же не заражены. Может, в этом дело?

– Мы не впустили обладателя голоса — может, в этом дело? — Даша переспросила без иронии или сарказма, но прозвучало всё равно как-то не очень.

– Не, так не годится, — Катя тоже потёрла подбородок, потом сняла очки и потёрла переносицу. Прошлась взад-вперёд вдоль доски.

– Слава, ты уверена, что не упустила каких-нибудь важных деталей?

– Уверена.

– Тогда предлагаю следующий шаг. Вызовем сюда Серёгу Ивокурова. Только чтоб ни слова об истории Славы — все поняли? Нам тут не нужно ни паники, ни излишнего внимания. И потом. Вдруг какой умник решит пойти в лес искать Того, кто там живёт. Нам только этого не хватало. Все поняли?

– Так точно! — вразнобой ответили взшки, а Тоня со словами «Я позову» скрылась в двери.

– Пока Тоня ходит, — Даша обратилась к новенькой, — давай повторим, по каким признакам ты определила, что Тот, кто живёт в лесу, всё-таки здесь.

«А правда, по каким?»

В пальцах точно сама собой появилась косичка, и Слава принялась нервно тереть кисточку на конце.

– К большому сожалению, — сказала она наконец, — у меня не признак. Я его слышала. Именно его самого. Он иногда отпускает в мой адрес ехидные или не очень замечания. Так что всякие там признаки — это уже факультативно. Главное — я слышала его самого. Причём прямо перед тем, как войти в корпус.

– Иными словами, он сейчас нас слышит.

– Он постоянно всё слышит.

– А обмануть его можно? Чтобы он не подслушивал?

– Зачем? Он застрял между мирами. Не может вернуться домой, не может выйти в наш мир полностью. Он сам бы и рад, чтобы всё закончилось, но не знает как.

– Затем, что твой выигрыш в этой игре это, условно говоря, чтобы никто не погиб. А когда кто-то погибает — тогда он получает свободу действий, так? Ну, ты рассказывала, как он начал лавинообразно подчинять себе всех подряд, что вылилось в бойню. То есть цели у вас разные. И в идеале, если ты выиграешь, он навеки останется застрявшим.

– Поэтому он и не даёт мне выиграть, — кивнула Слава. В этих выкладках Катя не открыла Америку, — Но есть и ещё кое-что: он ищет вариант, при котором его можно будет отправить домой, но чтобы никто не погиб — иначе новый перезапуск.

– Уф! — Катя встряхнула головой. — какой-то цирк. То есть он, если видит возможность так и остаться застрявшим...

– ...Начинает убивать, чтобы вызвать перезапуск, — кивнула Слава.

– А наоборот — предотвращать смерти — он не пробовал? Ну, вроде как специально так сделать, чтобы никто не погибал, и при этом все мы специально занялись бы решением его проблемы, чтобы — ну, я не знаю, — отправить его туда, откуда он пришёл?

Повисла пауза.

К сожалению, Слава даже знала ответ из первых уст. Катя задавала этот вопрос ей уже как минимум семь раз, и всякий раз ответ был одинаковым.

– Даже на моей памяти он около сотни раз пытался проводить относительно дружественную линию. Это ни к чему не привело. Он... он враждебен даже когда хочет казаться добреньким. Он злой, и его влияние на нас в любом случае злое. Ну и не забывай ещё, что я сегодня

впервые увидела Тоню живой и здоровой. То есть в каждом случае раньше Тоня уже была захвачена, а вы уже мутировали и превращались в чудовищ.

– Значит, — прищурилась Катя, — именно у нас есть уникальный шанс. Интересно, а если попробовать ввести несколько переменных и попробовать рассчитать? Допустим, «А» — это...

И, не договорив, Катя соскочила с места и метнулась к учительскому столу, из ящика которого извлекла большой блокнот и ручку. Тут же уселась и принялась покрывать листки ровными строчками записей. Пионеры потянулись к ней и вскоре обступили плотным кольцом. Слава при этом осталась на месте и молча ждала. Минут через десять за дверью послышался топот, и в комнату вбежала запыхавшаяся Тоня, и следом за нею — рослый парень с комсомольским значком, но всё ещё в пионерском галстуке. Тёмные радужки, волевой подбородок, широченные плечи. Брови сдвинуты в одном ему свойственной манере.

– Физкульт-привет, — обратился он к вэшкам, а те воззрились на него, оторвавшись от расчётов. — Мне в общих чертах Тоня обрисовала, что у вас тут важный гость и вообще какой-то Бред... бери с Хайнлайном. Так что потрудитесь ещё раз и по порядку всё объяснить.

– О! Да ты остроумен, как сам Козьма Прутков, — парировала Катя. — Что же строим не ходишь?

Кто-то прыснул в ладошку.

– Строим жосу как положено. А кому-то сейчас с парохода современности пинка дам.

Снова сдавленный смешок.

– Хочу заметить, что без нас ты был бы в полном Шопенгауэр.

На этот раз, несмотря на несколько солёную шуточку (а может, именно из-за неё), кое-кто хохотнул уже открыто, а Катя и Серёга, наконец, закончили обмениваться дружескими колкостями:

– Без вас я б щас в футбол играл, так что шустрой давайте.

– Шустрой не получится, — ответила Катя и указала на новенькую, — Сергей Ивокуров, командир пятого отряда, наш лучший бэшка. Слава Майорова, автор нашей методички и самая светлая голова Комитета.

Поздоровались. Слава даже протянула руку, и Серёга аккуратно пожал её. Тем временем Катя поднялась из-за стола, оставив блокнот, который тут же оказался в руках Саши Сыроежкина.

– Как ты знаешь, на работе Славы был основан наш эксперимент. Поэтому она очень заинтересована в самом подробном рассказе о нашем опыте по открытию канала. Было ли что-нибудь необычное? Вообще что угодно. Может, что-то при этом слышал? Что угодно! — Катя практически за руку подвела Серёгу к парте и усадила на соседнем со Славой ряду.

– Да ничего такого. Всё по расчётам. Составили звёздочку, сделали как обсудили, получили результат. В голове текли сплошные ваши расчёты, ну и сознание при этом совсем меняется. Ты думаешь абсолютно по-другому. Чтобы было понятнее, смотрите: мы когда просто о чём-то думаем, то как бы слова мысленно проговариваются прямо в голове. Когда мы спим, то размышления идут на уровне образов, звуков и других ощущений, которые мы хоть и не получаем извне, но мозг их имитирует. Так вот, во время эксперимента всё отключилось. А ваши расчёты были вместо моих мыслей, и при этом я всё равно видел их результаты, но уже как образы. Как если бы я что-то абстрактное пытался представить себе по очень-очень детальному описанию. То есть я прямо у себя в голове видел, как мы сворачивали пространство, как открывался тоннель. Но то, что я видел в голове, происходило наяву.

Серёга перевел дух после монолога, Слава усиленно тёрла переносицу, а две девочки стали что-то шептать Кате на ухо. Даша и Саша углубились в блокнот и даже что-то дописывали туда карандашом.

– Понимаю, что неожиданно, но можно я загляну, посмотрю, что там случилось? — спросила Катя у Серёги, указав почему-то на свой висок пальцем. Слава отметила, что шушуканье у Кати за спиной стало несколько тише, а Серёга в задумчивости провёл ладонью по своей голове ото лба к затылку.

– Вообще, я б не хотел. Это неприятное дело, и вообще вы, мозговики, не очень-то деликатны. Так что без весомых причин я всё же откажусь.

И он поднялся на ноги.

– Если со мной всё, то я, пожалуй, пойду.

– Причины у нас веские, вообще-то, — Катя осталась сидеть, а тон сделала нарочито таинственным и слегка высокомерным. Желала подчеркнуть, будто ей известно нечто важное, от чего Серёга сам отказывается.

Трюк сработал, и командир бэшек остался на месте. Однако подбоченился и, скорчив полную сарказма гримасу, тут же осведомился:

– И в чём же причина?

– Я смогу тебе рассказать после того, как загляну, и в зависимости от результатов.

– Я смогу тебя впустить в память после того, как ты всё расскажешь, — отзеркалил фразу Серёга.

Катя закусила губу, стало слышно, как в Дашиной руке скрипит карандаш. Близнецы, потеряв связь с окружающими событиями, что-то сосредоточенно писали в блокнот.

– Да почему бы нет, собственно! — решила Слава и прежде, чем её удержали, начала.

Ещё какое-то время пришлось потратить на повтор всей истории. Серёга слушал, поднимая брови, и лишь слегка нахмурился, когда речь коснулась лавинообразного обращения всех заражённых пионеров, когда Голос подобрал, наконец, нужный алгоритм для их взлома. Потом Слава заговорила о перезагрузках, и на лице Серёги вновь появился скепсис. Ему бы обратить внимание, что все вэшки слушали молча, стараясь как следует улавливать детали. Ему бы заметить, как сильно увлечены блокнотом близнецы Сыроежкины и вновь присоединившаяся к ним Катя. Но нет — Ивокуров оказался слишком сосредоточен на собственных ощущениях.

– Я что, должен в это поверить? — проговорил Серёга, оглядываясь, стоило Майоровой закончить. — Вы меня разыгрываете на такой детской теме? А дальше что? Создадите иллюзию и будете убеждать? Предъявите доказательства? А, у вас же сегодня занятия по воздействию, и даже кто-то доклад должен делать!

И командир пятого отряда сурово глянул на Тоню. Девушка выдержала его взгляд без видимых эмоций.

– Серёга. Она говорит правду, — очень твёрдо проговорила со своего места за столом Даша Сыроежкина, и Катя кивнула.

– Ага. Не обижайтесь, у меня против вас ничего нет, но вы, мозговики, всё время себе на уме, так что когда вот ты говоришь, что она не врёт, где гарантия, что ты тоже не врешь?

Вэшки загалдели, а у Славы точно само собой вырвалось:

– Фу ты, Фома неверующий. Ничего другого и ждать было нельзя.

– Это что ещё значит?! — взвился парень.

– Что слышал. Дурак ты. И во всех реальностях такой.

– Ничего себе заявки на успех! Не, вы слышали, что она мне сказала!

– Слышали. Не кипятись. Если бы ты рассказывал правду, а тебя во лжи обвинили — как бы себя повёл? Славе обидно, тем более она уже много раз безуспешно пыталась всех нас спасти. Ты вот можешь опровергнуть её рассказ?

– А вы подтвердить его не можете. Ваши слова против моих — такие же слова, вот.

Серёга набычился.

– Хорошо. А что насчёт контролирующего поля в лагере?

– Это всё тоже только с ваших слов.

– Вот упёртый!

– От меня ещё что-нибудь требуется?

– Не требуется. Вали играй в свой мячик, — огрызнулась Катя и тут же сама поняла, что вспылила. Серёга же, недолго думая, поднялся и вышел, придав себе вид обиженный, но гордый до невозможности.

Где-то вдалеке за окном радостно закричали какие-то пионеры. Мир продолжал жить по-своему.

Вэшки растерянно переглядывались.

– На воздух пойдёте, — предложила вдруг Даша, и все, как по команде, высыпали сперва в коридор, а оттуда наружу. Перешли на площадку и расселись на лесенках, брусьях и прочих спортивных конструкциях, и прежде чем продолжить обсуждения дел насущных, Даша под села к Славе на скамеечку и тихонько проговорила:

– Серёга ещё одумается, так что не обращай внимания. Иногда он ведёт себя как дурачок, но всё же наш, Пионер.

За спиной, точно из воздуха, воплотился Саша Сыроежкин в бескозырке:

– Он о себе больно много мнит, потому что под гитару умеет петь. Немного вспылчивый, как и все мы. Но я уверен, он ещё всё пересмотрит. Обдумает, взвесит — и вернётся.

Слава слабо улыбнулась.

И тут вступила Катя, которая, как выяснилось, всё же обиделась:

– Вернётся — я лично ему от ворот поворот дам! Он что — обалдел так с новенькой? И вообще! Перед ним сама Майорова, а он повёл себя, как неотёсанная дубина. Стыдобища. Вот была бы ты, Тонька, командиром у бэшек, глядишь, всё было бы в лучшем виде!

Тоня молча пожала плечами. Она устроилась на брусьях и то и дело трогала юбку, проверяя, не видны ли трусы. Слава отметила, что Саша Сыроежкин и ещё один мальчик украдкой поглядывали на неё, воспользовавшись удачными ракурсами. В другой ситуации она бы обязательно сделала замечание, но... Нет, она бы в любом случае его сделала.

– Саша и — Петя, да? — мальчики, пересядьте вон туда, пожалуйста, — произнесла она строго и показала пальчиком, куда именно следовало переместиться. Парни смущённо пересели, и хоть никто ничего постыдного не озвучил, Катя всё равно погрозила им и прибавила на словах:

– Ух, нету здесь Алиски Двойкиной.

Посыпались шуточки. Сценка получилась не самая красивая, прямо скажем, но она разрядила обстановку, и казалось, что даже Тоня не особо забивала себе голову. В конечном итоге она под общие взрывы хохота уже подбавляла в общий котёл смешных деталей о том, как бы повела себя Алиса.

И всем было невдомёк, что сама Алиса как раз приближалась к лагерю.

После неудачного знакомства с новенькой и дурацкой ситуации с ведрами, она неслабо психанула и побежала в лес. Какое-то время сидела, набычившись, на приметной полянке, потом отправилась посмотреть старую военную базу. Понаблюдала за стройкой с высокого дуба. Наконец, когда надоело, девушка вернулась в лагерь, где утащила с кухни две котлеты и хлеб. Перекусив и избежав встречи с вожатыми, Алиса снова удрала с территории, проскочила насквозь небольшой березняк и отправилась на берег озера, чтобы искупаться в одиночестве — по обыкновению голышом, чтобы не ходить потом в мокрых трусах. По задумке, после воды и обсыхания на солнышке настроение станет совсем другим, можно будет вернуться в лагерь и даже снова общаться с людьми.

Как же удивилась девушка, когда на берегу именно там, где тайно от взрослых купаются Пионеры, она обнаружила красные пятна. Что за пятна? Неприятных запах с нотками ржавого железа. Трава, песок — следы рук на стволах берёз — это что вообще такое? Внутри шевельнулся страх в сочетании с любопытством. Странно, но именно боязнь и непонимание заставили

девушку позабыть о первоначальном плане и двинуться в лес, ориентируясь на перепачканные стволы и листву.

Через короткое время она обратила внимание, что по мере её продвижения прочь от озера, пятна становились больше и ярче, как если бы она постепенно приближалась к тому месту, где испачкался некто, оставивший следы. При этом чем дальше вглубь леса, тем запачканные стволы попадались всё реже. То есть кто-то перепачкался в лесу и пошёл к озеру. И пока топал — всё чаще был вынужден хвататься за деревья. О них он потихоньку всё больше отирался, и потому пачкал с каждым разом всё меньше и меньше. Так...

А почему обнимался со стволами-то всё чаще? Поплохело ему, что ли?

Примерно определившись с направлением, Алиса обратила внимание, что иногда перепачканные деревья оказывались довольно далеко друг от друга, а иногда довольно близко. Могло ли это означать, что она шла в обратную сторону по следу сразу двоих?

Стараясь производить как можно меньше шума, девушка продолжала идти по жутковатому следу, пока не пришла на поляну и не вскрикнула от неожиданности и жути.

На поляне между двух стволов был растянут лось.

Плохое состояние трупа можно было сопоставить разве что со степенью мерзости того, что с ним сделали: туша была практически вывернута наизнанку и висела между деревьями на высоте человеческого роста в подобию паутины, сделанной из непонятных розовых жгутов — по виду, состоявших из плоти. В красной луже строго под трупом валялась труха и чёрти что ещё. Вокруг — черным-черно от полудохлых мух, которые копошились, но не взлетали и даже не гудели.

Запах стоял такой, что по тошнотворности затмевал даже само зрелище.

Подавив рвотные позывы, Алиса применила весь известный ей словарный запас для описания собственного отношения к открывшейся картине, не забыв охарактеризовать ещё и тех, кто это сделал, приплетая и их родственников в нескольких поколениях. Смотреть на лось было совершенно невыносимо, и девушка отвернулась. Как так, обычный же лес: солнце прошивает лучами кроны, ветер шелестит листвой, птицы горланят свои песенки, дятел стучит где-то близко. Благодать да и только. Знай себе гуляй да малинник ищи. Тут ни медведей в округе, ни волков — не лес, а сказка! Если бы только за спиной не оказалась какая-то больная, сумасшедшая, невообразимая-кошмарная-мерзкая... страшная...

Картина?

Сцена?

Как это назвать-то, чтобы не замарать нормальное слово?

Чтобы оно потом не вызывало ассоциации с ЭТИМ?

Может, причудилось?

Ну не может же кто-то вот такое сделать, если он человек! А животное тоже не может, для такого руки нужны. Может, показалось? Или кто-то из вэшек такую дичь внушает? Не, Пионеры до такого не опустились бы.

Алиса повернулась, и кошмарное зрелище вновь предстало её глазам во всей своей мерзости.

Пришлось, точно заклинание, повторить всю недавнюю тираду в адрес учинивших этот ужас и самого их творения.

Может, всё ненастоящее?

Больная шутка, но, может, всё-таки шутка! Ух и задаст Алиса тому психованному, кто это придумал!

Борясь с собою, Алиса приблизилась и остановилась у самого края круга копошащихся мух.

Идти дальше по насекомым?

Нет уж! Они раздавятся, все подошвы будут в мерзости.

Да и зачем — трогать пальцем эту тушу всё равно не было никакого желания.

Снова пришёл рвотный позыв, пришлось отскочить назад, чтобы запах так не сверлил нос.

Отдышавшись слегка, Алиса подумала, что делать тут в целом нечего, трогать ничего нельзя, даже её следы на самой полянке — это уже очень плохо, и пусть с этим разбирается кто-нибудь компетентный. И вообще, сталкиваясь с подобными вещами, единственно верный подход — это бежать прочь, кричать погромче и звонить в милицию.

Хоть это и не путь Пионера, разумеется.

Пионер — это вам не просто напуганный обыватель. Пионер должен быть стойким, смелым и действовать ответственно!

Стойко и ответственно вызывать милицию, так точно!

Твёрдо решив, что нужно, во-первых, посмотреть, куда «кто-то» направился от озера, после чего доложить в лагерь, Алиса двинулась назад. И с первым же шагом угодила во что-то вязкое, скрытое до поры подо мхом. Кед утонул, пальцы ног ощутили влагу и почему-то лёгкое покалывание. Подняв и осмотрев ногу в почерневшем кеде, Алиса убедилась в своих самых неприятных подозрениях — никакое не болото, не грунтовые воды, не ручей, там — нога по щиколотку утонула в чём-то липком и очень чёрном. И довольно вонючем.

Алиса всё же не выдержала, и её вывернуло.

Ругаясь, она кинулась в обратный путь — теперь уже к озеру, чтобы хотя бы смыть с ноги эту гадость (которая почему-то жжётся!), умыться и прополоскать рот.

«А заодно узнать, куда пошли те, кто оставлял кровавые следы на деревьях», — шевельнулась осторожная мысль, но была тут же задавлена внутренними криками о том, как неприятно перепачканной ступне и как вся одежда пропиталась уже этим запахом, поэтому срочно нужно к воде!

Слегка припустив и дивясь тому, как легко находится путь, девушка быстро выскочила к озеру и первым делом сунула в воду испачканную ногу. Раздумывать не пришлось — она судорожно развязала шнурок и сорвала кед, принялась смывать чёрное со ступни и пальцев. Потом выполоскала что могла из кеда, осталась недовольна результатом, потёрла зачерпнутым со дна илом. Сунула внутрь руку — снова ощутила жжение — тут же вынула и отмыла. Пришлось погрузить кед в воду и уже там выполаскивать изнутри всё, что туда успело затечь.

Наконец, с ногами, обувью разобралась.

Оставив кеды сохнуть на бережке, Алиса вернулась в воду.

«Бр! Холодная! До чего ж холодная-то!»

Алиса склонилась над водою, зачерпнула в пригоршню, умылась. Чёлка прилипла ко лбу. Рубашка развязалась и теперь свисала, как обычно.

Юбка в одном месте порвалась по шву.

Куда хуже было то, что она перемазала в крови руки: видимо, пока бежала назад, случайно хваталась за испачканные деревья. Теперь же, когда руки уже стали чистыми после возни с обувью, кровь пополам с какими-то соринками, оказалась у неё на лице: чиркнула рукой ещё до того, как отмыть. Девушку аж передёрнуло от омерзения. Она принялась тереть лицо усерднее. Даже подумала использовать ил, но потом отказалась от этой идеи и продолжила умываться просто водой, стоя в озере почти по колено.

Волосы промокли, ноги замёрзли. Окрасившаяся вода с лица стекла по шее на грудь.

– Чёрт!

Алиса быстро сорвала себя галстук, рубашку и майку. Последняя уже окрасилась розовым.

Ругаясь себе под нос, Алиса скомкала снятые вещи и попыталась докинуть их до берега.

Это удалось лишь частично — майка попала в воду, рубашка и галстук единым комком долетели благополучно.

Продолжив тихонько ругаться — теперь уже на собственную бестолковость и неуклюжесть — Алиса всё же вернулась к берегу, попутно выловила из озера майку, вышла на песок и тут же уронила её. Мокрый трикотаж тут же стал таким грязным, что хоть вой. При этом даже мысль снова залезть в воду и прополоскать, показалась Алисе просто ужасной.

Да и вообще! Что за дело — пытаться всё с себя смыть и отстирать здесь, в холодной грязной воде, если в лагере есть чудесная прачечная? И душ с тёплой водой. И чистая форма.

Алиса ощутила непонятное холодное спокойствие.

— Собственно, а чего это я так бешусь? — сказала она себе вслух. — Надо в лагерь! Вызвать кого следует на ту полянку. Пусть разыщут, кто это сделал.

Забыв кеды и майку на песке, держа в руках скомканную рубашку и галстук, Алиса спокойно потопала в лагерь. Прошла по кромке воды берегом, свернула на тропинку, обогнула небольшую заводь, по мостику перешла ручей, снова оказалась у воды. Здесь берег круто забирал в сторону, озеро делало изгиб, и становился виден лагерь, тогда как место всеобщего тайного купания осталось вне видимости.

— Хм. Странно, — произнесла Алиса вслух, ни к кому не обращаясь.

Ногу и руку больше не щипало.

Виденное на поляне показалось чем-то вроде дурного сна — не столь существенным.

Что, впрочем, не отменяло плана сообщить кому следует о находке. И вообще — тот, кто это сделал, должен бы ответить.

Алиса сделала ещё несколько шагов и снова остановилась как вкопанная.

Ей бы вспомнить, что на ней из одежды только трусы и порванная юбка.

Но нет — мысли ушли далеко. Оглянувшись, девушка обратила внимание на две дорожки следов на песке. Не сказать, чтобы кругом было гладко — обычный песчаный берег. Но следы Алиса всё же различила:

— Это что, оттуда?

Мгновенно переключившись, девушка вернулась на мостик, оттуда на тропинку и снова на берег. Да, шли здесь! Обрато на ту сторону, вон там виден забор. Так что, тот, кто убил лося на поляне, пошёл в лагерь?

Алиса нахмурилась. Опустилась на четвереньки, склонилась к следам. Сама не зная, зачем, втянула ноздрями воздух.

Непонятно как, она ощутила еле различимую нотку того самого отвратительного запаха с поляны.

— Да, это они!

Алиса встала и пошла вдоль дорожек следов, не сводя с них глаз.

Те, кто оставил их, шагали бок о бок. Маленький размер стоп. Девчачий?

Алиса пошла быстрее.

Ещё метров триста, и будет уходящий в воду забор лагеря.

Двести.

Сто.

Пятьдесят.

Всё.

Здесь они просто перемахнули через забор. Тип А.

Надо бы как-то тоже перелезть. Стена небольшая — метра два всего.

Обычно Алиса бы слегка разбежалась и ухватила за верх руками, но сегодня...

Сегодня в руках оказалась скомканная рубашка и галстук.

— Зачем я ношу это в руке? — проговорила девушка вслух, но вместо того, чтобы надеть, просто выронила. Посмотрела на свою правую (только что освободившуюся) руку, потом на забор.

Толкнула воздух перед собой — и бетонная секция забора рухнула, выворотив землю.

Десять минут спустя Алису уже укутали в полотенце, прикрыв наготу, и привели в корпус ашек прямо к командиру Алёне Быстровой. Доложили, что пионерка из её отряда проломилла забор и расхаживала по лагерю в одной юбке, твердя что-то про живодёров.

– Кто-нибудь! Сбегайте за мозговиками! — приказала Алёна. — А Алису в палату.

Несведущий человек мог бы подумать, что на девочку-подростка напал извращенец, и потому нужно срочно звать взрослых. Однако, во-первых, Пионерам любой извращенец — это на одну ладонь положить, другой прихлопнуть. Та же Алиса хоть и считалась спящей ашкой, могла запросто сломать обычному человеку любую кость голыми руками. Ну а во-вторых, Алёна обо всём догадалась, стоило лишь приблизиться и вдохнуть.

Нюх не обманешь.

И бормотание про «живодёров» неспроста.

Поэтому Алису и увели напрямиком в палату, где Алёна усадила её на кровать, а сама села напротив. И рядом встала Маша Старцева. Обе уставились на Алису, чего-то ожидая. А та глубоко вдохнула и вдруг прервала бормотание.

– Этот запах. Это... кровь?

– Алиса. Ты была в лесу? — Алёна спросила это очень странным голосом, после чего взглядом попросила Машу пойти и подпереть дверную ручку стулом.

– Этот запах, — Алиса чуть опустила лицо и посмотрела на Алёну исподлобья.

– Ты приняла его? Духа леса, а?

– Вы это так называете? — голос Алисы звучал странно. Прилипшая ко лбу чёлка придавала лицу зловещий вид.

– Ты видела поляну? Ты что-то трогала на ней? — спрашивала своё Алёна, но девушка напротив уже ничего не слышала. В её радужках пробежали голубоватые искры.

– Да нечего тут спрашивать, — подала голос Маша, которая как раз управилась с дверью. — Видно же, что лесной дух уже в ней.

– Ну да, — согласилась Алёна. — Слушай, Алиса. Мы сейчас расскажем тебе кое-что очень важное, только ты успокойся. Видишь ли, ты теперь такая же, как мы, и с этим надо научиться ужива...

Алёна не договорила. От невидимого толчка она пролетела через всю палату и впечаталась в стену. Удар пришёлся на голову.

Это был сто шестьдесят седьмой случай, когда Слава Майорова даже не узнала, от чего мир снова ушёл для неё в перезапуск.

Глава 3

Способность снова оказалась спящей. Чёрт! Но может, так и надо.

КПП, автобус, лось, авария, почти часовая прогулка по шоссе.

Алиса на остановке, дошло до драки. Потом небольшая прогулка с Олимпиадой.

Алёна и Маша, потом Вадим Борисович. По дороге от директора не встретила Лариску. Чуть не поругалась с Серёгой на входе в корпус взшек. Познакомилась с отрядом, пошли на обед. Потом — купаться на озеро.

И вот уже вечер. Снаружи сумерки — в столовке светло от многочисленных ламп.

Как же давно не было таких спокойных первых дней!

Слава сделала большой глоток вишнёвого киселя из кружки и поглядела на сидевшую напротив Дашу. Та подмигнула.

– Ты чего такая смурная? — шепнула на ухо Катя. — Если ты из-за Алиски...

– Да я уж и забыла, если честно.

– А что тогда?

– Да так, своё... Ничего особенного.

– Ну ты, если что, всегда можешь поделиться. Не со мной, так с Олимпиадой. И ещё тут в научном корпусе есть психолог.

Слава повернула к Кате лицо и долго смотрела ей в глаза.

– Что?

– Ты добрая, Катя!

– А-а! Ну я просто забочусь о своём отряде, чтобы всё было в лучшем виде.

– В лучшем виде... — рассеянно повторила Слава. На самом деле её никак не отпускали мысли о предыдущей реальности, которая оборвалась слишком внезапно, без намёка на причины. Вернее, намёк был: прибежали посыльные от ашек, сказали, что Катя срочно нужна, чтобы кому-то там помочь. Сердце ёкнуло, хоть имён никто не называл. Почему-то сразу стало страшно. Катя рванула в сторону корпуса третьего отряда, Слава побежала было за нею — и всё. Снова КПП. Новая порция воспоминаний новой себя. Не такие уж и отличные от её первоначальных. Почти такие же за исключением мелких частных. В этой реальности вообще всё было почти так же. Настолько, что Слава даже позволила отдать пистолет Цюрюпе на хранение сразу. Сама внесла исправление в надежде что-то улучшить и переиграть.

Тот, кто живёт в лесу, тут же отреагировал.

«О, оч-чень хитро!»

«Чтоб его черти взяли», — решила Слава и даже не стала отвечать. А он как бы сам пропал и более не беспокоил. Чудесненько! Слава так устала от непрерывной игры и попыток перехитрить, что готова была многое отдать за возможность отдохнуть хоть денёчек!

Ничего же не изменится, если ещё одна реальность сгорит. А не сгорит — так ещё и лучше.

– Девочки, скоро отбой. Я предлагаю вам хотя бы сегодня нормально поспать, слышите? — над их столом нависла Олимпиада.

Катя разулыбалась:

– Не волнуйтесь, Олимпиада Викторовна! На сегодня у нас ничего не запланировано, будем спать в лучшем виде!

Саша поддакнул:

– Честное пионерское!

– Ох, смотрите мне!

Потом вожатая спохватилась, что за столом присутствовал ещё и мальчик. Не найдя нужных слов, она просто взъерошила на голове у Сыроежкина-брата золотые кудри и отправилась

о чём-то шептаться с другими водителями. Стоило ей отойти, Слава предвосхитила Дашину реплику:

– Как это спать? Ночью же самая работа!

Катя и остальные посмотрели на Славу с уважением:

– Вообще так и есть, и у нас на завтра запланировано мероприятие. А сегодня — отдыхаем перед завтра.

– Класс! — Слава изобразила хищный интерес. — А мне дело найдётся?

– Найдётся всем. Кстати, заодно и способность тебе разбудим. А то не дело в «Буревестнике» спящим ходить.

Это было что-то новенькое, Слава насторожилась.

– Умеете пробуждать? Так что, у вас и спящих нет?

– Нет.

«Та-ак».

– А Алиска Двойкина?

– Алиска давно проснулась.

– И какой у неё тип?

– А, конечно же!

Слава чуть не подавилась киселём.

– Погоди, как это А?

– В смысле, «погоди»? — не поняла Катя. — У них с Лариской у обеих тип А.

В голове у Славы что-то не складывалось, но не успела она толком додумать, как Катя заглянула ей за спину и сообщила:

– Да вот они с тренировки явились, сама посмотри! Дикари — прямо в снаряге за стол — ну кто так делает?

В столовую заходил и рассаживался на свои места третий отряд. Среди прочих была и Алиса. С перчатками в одной руке и шлемом — в другой. Всё это она, как и остальные ашки, положила на длинную скамью рядом со входом, после чего протопала к столу, где её уже ждал отварной картофель с укропом, кусок паровой трески без костей, маринованный огурец, пачка печенья и кружка вишнёвого киселя. Со своего места Слава видела, как к ней со спины выскочила сестра, чмокнула в щёку, и пока Алиса поворачивала голову, попыталась стянуть печенье с другой стороны. Не вышло: Двойкина-старшая поймала ручонку младшей и высказала всё, что думала. Тут же, точно из-под пола, между ними выросла словно светящаяся изнутри Маша Старцева: выдала Лариске своё печенье, и обе ускакали, весело смеясь, пока Алиса грозила им вслед кулаком.

– Я сейчас, — Слава поднялась, вылезла из-за стола и отправилась напрямик к Двойкиной. Изумлённые вэшки проводили её и приготовились к зрелищу.

– Чо надо, зубрила? — грубо спросила Двойкина, стоило Славе приблизиться.

– Ничо. Ведро вот ищу.

– А! — оживилась Алиса. — Ведро? А что, пилотки не в моде уже?

За спиной у Алисы кто-то из ашек прыснул.

– Впрочем, от головы зависит, — закончила Алиса мысль, и хихиканье вокруг стало ещё заметнее.

Славе захотелось провалиться сквозь землю или на худой конец огреть кой-кого по рыжей башке книжкой «О пользе вежливости». Вместо этого она бесцеремонно взяла да и затянула Алисин галстук на шее.

– А ну руки убрала!

Слава сделала шаг назад и демонстративно подняла ладони.

– Ай-ай-ай. Только не бей!

Краем глаза она отметила, как окружающие начали стягиваться со всей столовки в предвкушении если не драки, то по крайней мере конфликта.

– Майорова, чего тебе надо, а? — запальчиво спросила Алиса, и в интонации сразу же содержался ответ: «По мозгам тебе надо!»

Слава на правах зачинщицы театрально развела руками, обращаясь не столько к Двойкиной, сколько к окружающим:

– Да мне-то ничего! Вот только кое-кто сегодня полез драться первый и даже не извинился.

– Очень тебе нужно моё извинение! Что ты лезешь, а? Что тебе не сиделось?

– Моё дело! — Слава чуть повысила голос. — Но мы же не будем выяснять отношения здесь и сейчас! Ты ж такая что-то тихая. Перед коллективом боишься показать, кто ты есть, а?

В тишине стало слышно, как Олимпиада шёпотом спросила у Кати, не объелась ли Майорова белены.

Потом опомнилась Алиса:

– Да кем ты себя возомнила?

И — хлоп — на плечо Двойкиной легла ручка Алёны Быстровой, командира третьего отряда. Огонь в глазах Алисы тут же убавился.

– Да ну тебя! — и Двойкина забрала тарелку и стакан, ушла в дальний угол и уселась за свободный стол.

В кругу всеобщего внимания остались только Слава и Алёна. Последняя мягко улыбнулась и проговорила очень даже не мило:

– Я не знаю, зачем тебе это, но не нужненько устраивать у нас здесь конфликты и ссоры, пожалуйста. Все пионеры «Буревестника» — товарищи, у нас здесь нет никаких дрызг. Пионер — всем ребятам пример, помнишь?

И прежде, чем Слава успела привести какие-либо доводы. Прибавила:

– Из-за инцидента на остановке Алисе стыдно, а я как командир отряда, приношу тебе за неё извинения. Мы все и Алиса в частности уже сделали правильные выводы.

Стало тихо. Надо было отвечать — все вокруг ждали.

– Извинения приняты. И — спасибо. И, наверное, я тоже прошу прощения за этот цирк.

– Принято. Больше так не делай, — и Алёна, развернувшись, направилась на своё место.

Представление отменилось, клоуны снимали красные носы, и пионеры стали расплзаться по местам.

Слава постояла ещё чуток, не зная, куда себя девать, после чего вернулась за свой стол.

Тут же рядом возникла Олимпиада:

– Ты чего это?

– Да так, — Слава потупилась и сделала вид, что проверяет, не осталось ли в кружке киселя. Как будто он мог там появиться сам.

– Смотри мне, Майорова! Не барагозь.

И вожатая снова удалилась к другим взрослым.

– Ничего себе ты отчаянная, — с каким-то даже одобрением молвила Катя.

– Ничего особенного, — Слава пожалала плечами, — сама не знаю, зачем это начала.

– Мне показалось, или ты была удивлена, что у Алиски тип А?

«И вот что тут сказать?»

– Показалось, наверное. Мне бы и самой так показалось. Так прикидываю — я действительно странно себя повела, извини.

– Да ладно. Идём в корпус, — Катя дружелюбно похлопала Славу по плечу, и тут же повысила голос, обращаясь уже к отряду:

– Четвёртый отряд! Строимся на улице!

Вышли на свежий воздух, вдохнули аромат остывающей после дневной жары листвы и хвои. Без лишних слов построились.

– Четвёртый отряд — вольно! — скомандовала Катя. — Напра-во! В распоряжение отряда шагом-арш!

И вдруг:

– Песню запе-вай! Раз! Раз! Раз-два-три! В буднях великих строек!

– В весёлом грохоте, огнях и звонах! — подхватили пионеры.

Снова Катя соло:

– Здравствуй, страна героев!

И снова всем отрядом:

– Страна мечтателей, страна учёных!

И дальше уже стройно вместе — аж сами не заметили как, забыв о команде «вольно», перешли на чеканный марш:

Ты по степи, ты по лесу,

Ты к тропикам, ты к полюсу

Легла родимая, необозримая,

Несокрушимая моя!

Почему-то Слава безошибочно чувствовала то, как этот новый для неё отряд уже привык исполнять этот марш. Точно всё было отрепетировано, и каждый знал, где вступать, и это ощущалось на каком-то внутреннем уровне, хотелось включиться в это общее единение и искренний восторг, гордость за свою страну и своих товарищей.

Поэтому Слава даже не удивилась, когда Катя вдруг выкрикнула:

– Слава!

Всё было понятно. Всё было ясно как белый день. И исполнившись неподдельного счастья, пусть мимолётного, но такого настоящего, Слава запела, старательно выводя знакомую мелодию:

Нам нет преград ни в море, ни на суше,

Нам не страшны ни льды, ни облака.

Как же чудесно пелось в этом прохладном воздухе, напоённом ароматом леса! Как ВКУСНО было вбирать его полной грудью и превращать в мелодию и лучшие в мире слова. Как же чудесно и легко было шагать в строю с товарищами, такими же Новыми людьми, способными и готовыми менять мир. Поэтому, когда отряд подхватил припев стройным отрепетированным трёхголосьем, Слава даже прослезилась. Ни в одной реальности она так не ходила строем с песней. Ни в одном из сотен вариантов она не ощущала такого счастья быть в «Буревестнике», быть в четвёртом отряде с Катей, Сыроежкиными и остальными.

Пламя души своей, знамя страны своей

Мы пронесём через миры и века!

«Ещё целых два куплета и два припева!»

– Молодцы! — подбодрила отряда Катя. — Саша!

Певческий голос у Саши оказался очень чистым и сильным тенором, который не терялся в общем хоре, когда на второй и четвёртой строчках вступал весь отряд. В припеве солировала черноволосая Айгуль из Алма-Аты. Слава помнила её чисто умозрительно — ни разу не удавалось с нею познакомиться, а тут девушка так раскрылась, что захотелось обнять.

Третий куплет и припев допевали уже хором, а на последнем припеве разделились: девочки вели основную мелодию, а мальчики чуть опаздывали и пропевали укороченные строки, что выходило очень красиво и даже как-то профессионально, что ли. Последнее «века!» тянули очень долго, пока Катя, наконец, не скомандовала:

– На месте! СТОЙ! Раз-два.

И все встали как вкопанные, чётко оборвав звук.

Оказалось, что песни хватило строго до корпуса.

Лучшее возвращение из столовки за всю историю завершилось.

— Класно спели! — обратилась к отряду Катя, в ответ послышалось горячее одобрение.
— Тридцать минут — личное время, потом отбой. Вольно! Разойдись.

Улыбающиеся пионеры расползлись по территории. Кто-то, Катя в том числе, направился сразу в умывальник на улице, кто-то утопал в корпус. Слава проводила их взглядом.

— А ты чего же? — Даша тоже никуда не пошла.

— Да я постоять хочу. Вечер такой хороший сегодня. Спокойно так, тихо...

— Это да. У нас в «Буревестнике» всегда так. А в «Зеркальном» разве по-другому?

— Не знаю. Ни разу не была в «Зеркальном».

— Ты же спящая — и ни разу не была?

— Не-а. Меня выявили-то недавно.

— А... Тогда здорово, что ты к нам попала.

— Я тоже рада.

Помолчали, и вдруг Даша подступила к Славе как-то слишком близко и шепнула:

— Раз сегодня у нас нет экспериментов, то пойдём тебе способность будить. После отбоя.

Катя сказала. Так что будь готов.

— Всегда готов, — отозвалась Слава, — что-то потребуется от меня?

— Не-не. Просто пойдём в одно место за территорией.

«Вот что бы я ответила, если бы не знала?»

— Отлично!

— Всё, тогда договорились, — и Даша ускакала в корпус.

Слава уселась на скамеечку и поглядела вверх на просветы звёздного неба меж крон. Как ни счастливо было пройти строем, какой бы милой ни была здешняя Катя, приходилось признать: в этой реальности слишком многое шло не так, чтобы закончиться хорошо. Алиса оказалась настоящей ашкой, а не мнимой, а в лес её ночью пригласили свои же вёшки. Если у них правда был эксперимент, и Тоня уже зависла в бункере, то Славу поведут фактически для того, чтобы целенаправленно заразить той чёрной гадостью. Почему они считают, будто так пробуждают способность? Или, может, Слава просто мнительная, и вёшки не задумали ничего такого?

Интересно, что точно таким же вопросом задавалась и Алёна Быстрова, сидя в столовой напротив Алисы Двойкиной.

— Слушай, Алиса!

— Ну?

— Новенькая, Майорова — она же, вроде, спящая, так говорили?

— Вроде того, — Алиса догрызала печенье и поглядывала по сторонам, нельзя ли где долить себе киселя. Или хоть чаю типа «пыль грузинских дорог».

— Как думаешь, они её собираются будить?

— А то...

— В бункере?

Алиса перестала жевать и уставилась на Алёну.

— Давай потом, а? Уши кругом, — и Двойкина покосилась в сторону стола вожатых.

— Да ладно. Если хочешь, пригляди за мозговиками. А если что — мы вмешаемся.

— Как я вас вызову-то? Не, давай я её просто уведу оттуда.

— Не дадут, — Маша была уже тут как тут. — Они вот только что договорились идти в лес.

— А, — Алёна поиграла бровями, — ну так и чудно. Тогда, Алиса, ты за ними, а мы следом.

— Да что за суета, — раздражённо отозвалась Алиса. — Не съедят же они её!

— Как знать, — почему-то мрачно ответила Алёна. — Давай всё же выйдем.

Втроём поднялись, прихватили шлемы с перчатками и вышли на крыльцо и чуть дальше, встав на самой границе освещённой фонарём площадки. Вокруг лампы летал большой мотылёк, и потому на лицах плясали тени.

– Короче, — еле-слышно заговорила Алёна, — как ты и сказала, Майорова пришла пешком, а автобус её сломался. Это потому что мы с Машкой на него налетели.

– Да ну!

– Угу, — живо закивала Маша.

– А налетели потому, что погнались за лосём. А погнались потому, что это лось вылез прямо из бункера.

Да ты что! — ахнула Алиса. К сожалению, она хорошо знала, о чём речь. Бункер — так называли бомбоубежище на территории заброшенного старого лагеря — в последнее время стал центром притяжения для некоторых пионеров четвёртого и пятого отрядов.

Предвосхитив следующий вопрос, Алёна пояснила:

– Мы всё же собрались пойти и выяснить, что они там затеяли. И я с собой лопату взяла. Мало ли — на всякий случай. Подходим, а он на нас как выпрыгнет! Да как зыркнет! И глазищи светятся.

– Заливаешь!

– Честное пионерское, чтоб мне сдохнуть, — Маша наскоро изобразила «салют». — Мы перепугались, и чуть дёру не дали, а у него из брюха щупальца полезли.

– Вы там мухоморов не ели часом?

– Да ну тебя, какие тут шуточки, — огрызнулась Алёна. — И тут представляешь, Машка берёт у меня лопату, врубаёт способность и ну его дубасить. А он щупальца свои подобрал и бегом в лес. Машка за ним. А я — за Машкой.

– Догнали хоть?

– Нет. Только с автобусом встретились, — пожала плечами Маша.

– Её зацепило, и я её оттуда быстренько утащила, отмыла, и уже в лагере мы с Майоровой потом встретились. Она нас не узнала — не видела, должно быть.

– Итак, — Алиса потёрла подбородок, — из этого бункера лезут странные то ли звери, то ли... иллюзии. Слушайте, этот лось мог быть просто видимостью, чтобы увести вас от бункера! Вэшки вполне на такое способны!

Алёна и Маша переглянулись. Стало ясно, что лось был настолько реалистичным, что мысли о подделке, иллюзии или внушении им даже не приходила в голову.

– Понятно! — Алиса сквасила скептическую гримасу. — Даже не думали об этом. Крутят вами вэшки как хотят! Что бы вы без моего сарказма делали?

– Что-что? Может, участвовали бы в общей работе с другими отрядами.

– Вряд ли. Эти сектанты к себе никого не подпускают.

– Мне кажется, Алиса, ты передёргиваешь, — молвила Алёна с небольшим нажимом. Не таким, чтобы обидеть или задеть, но достаточным для сигнала Маше. Та поняла, улыбнулась и ускакала в столовую командовать построение на правах заместителя командира.

– В общем так, — твёрдо проговорила Алёна. — Проследи за ними, пожалуйста. И если пойдут к бункеру, дуй сюда за остальными. Пора этот балаган прекращать. Чем они там занимаются — надо срочно выяснить.

– Замётано, — Алиса в своей манере обошлась безо всякого «есть» или «так точно».

Просто вручила Алёне шлем, потом повернулась и пропала в темени.

Застёгивая перчатки, прошла по дорожке, нырнула в кусты, миновала поворот на научные корпуса, тут же оказалась около больших каменных букв «БУРЕВЕСТНИК» Буквы были уже старые, обшарпанные, и большинство уже вообще грохнулось на клумбу, кроме трёх. «РЕВ» — автоматически прочитала Алиса и прикинула, что это могло бы быть слово «рёв».

– К мозговикам идёшь? — внезапно окликнули сверху.

Так и есть: Лариска Двойкина свисала с ветки. В темноте она была похожа на летучую лисицу. Мало того, у неё оказалась включена способность, отчего радужки посвечивали голубым. Словом, вид девочка имела мистический и даже жутковатый.

Тем не менее, Алиса не растерялась и тут же прорычала:

– А ну брысь!

– Можно с тобой?

– Я не на прогулку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.